Дневник американского солдата

Дэвид Паркс

SHOUT
SHARE
IT

- Паркс Дэвид

Паркс Дэвид
Дневник американского солдата

Паркс Дэвид

Дневник американского солдата

{1} Так обозначены ссылки на примечания. Примечания после текста.

Аннотация издательства: Бывший военнослужащий армии США разоблачает преступления американской военщины во Вьетнаме. В книге приведены факты, показывающие зверства и разбой, чинимые американскими агрессорами над мирным населением Вьетнама. Автор вскрывает империалистическую сущность идеологической обработки солдат американской армии.

Hoaxer: Вот что сообщают об этих дневниках американские ветераны Вьетнама: "Дневник американского солдата-негра: учебка, расизм, путь во Вьетнам, боевые действия, подробности о воинских потерях и убийствах гражданского населения, потом ранение и возвращение домой. Фамилии и имена изменены, текст дневников был при подготовке к печати частично отредактирован и приглажен".

Содержание

Предисловие
От автора
Часть первая: учеба
Часть вторая: бои
Примечания

От автора

Эта книга написана на основе дневника, который я вел в течение всей службы в армия. При работе над книгой записи, разумеется, были расширены и дополнены некоторыми фактами. Во избежание раскрытия "личных тайн" фигурирующих персонажей их подлинные имена заменены вымышленными. То же самое сделано в отношении номеров и названий частей и подразделений, а также некоторых небольших лагерей и операций.

Я в большом долгу перед своим отцом, который потратил много недель, помогая мне обрабатывать, расширять и отшлифовывать записи дневника для публикации. Кстати, именно он перед военной службой посоветовал мне записывать впечатления и по возможности фотографировать события военной жизни.

Рочестер, Нью-Йорк

Январь, 1968

Предисловие

Более четверти века воюют вьетнамцы за свободу своей страны. Тысячи и тысячи патриотов потеряли жизнь в этой войне, оставив детей сиротами. Дети многих из них тоже успели погибнуть. Подросли и сейчас сражаются внуки...

Борющийся Вьетнам заставил говорить о себе все страны и континенты, радиостанции и газеты на всех языках и наречиях. Каждый день люди смотрят на карту Вьетнама, устрашить который не смогли миллионы снарядов и бомб, на карту страны, отказавшейся умереть.

Непоколебимым мужеством, стойкостью, бесстрашием ее патриотов восхищается весь мир. Их моральное превосходство над противником бесспорно. Приведем такой пример. Как-то американский самолет по ошибке сбросил напалмовую бомбу на позиции своего взвода. Несколько солдат было убито, некоторые потеряли рассудок, остальные, наверное, долгие годы будут рассказывать, какой ужас они пережили... Бойцы вьетнамской освободительной армии переживают такое каждый день.

Сбросив на страну множество бомб, американские генералы ожидали, что вот-вот из джунглей выйдут партизаны с белым флагом.

Но напрасно напрягали зрение генералы. Израненный, окровавленный, но не покоренный Вьетнам и не думал сдаваться.

Патриоты Вьетнама выстоят в схватке с сильным и жестоким врагом потому, что они сражаются за правое дело. Полумиллионная хорошо вооруженная армия интервентов терпит поражение потому, что она ведет несправедливую войну.

Ведь дело не только в том, что США потеряли в бесплодных боях 56 тысяч своих солдат и офицеров убитыми и свыше 300 тысяч ранеными. "Американская армия, - писала "Нью-Йорк таймс", - попала в переделку в Индокитае не столько из-за трудностей, связанных с войной нового типа, которую она призвана вести, сколько из-за психологических последствий, возникающих в результате сомнений в смысле и ценности этой миссии... Армия подозревает, что она ведет войну, которой страна не хочет... Армия, сомневающаяся в себе, никогда не может быть полностью эффективной". Действия американцев в Индокитае - черная страница в кровавой истории империализма, заполненная тяжкими преступлениями интервентов. Человечество не забудет того, что сделали агрессоры на истерзанной бомбами, сожженной напалмом, отравленной ядохимикатами земле Вьетнама, Лаоса и Камбоджи.

Вмешательство Вашингтона началось вскоре после второй

мировой войны. Правящие круги США не захотели примириться с победой Августовской революции и созданием в сентябре 1945 года Демократической Республики Вьетнам первого социалистического государства в Юго-Восточной Азии. Соединенные Штаты в те годы помогали Франции восстановить прежние колониальные порядки во Вьетнаме, финансировали ее войну. Когда же Франция ушла из Вьетнама, Соединенные Штаты заняли ее место. Грубо нарушив Женевские соглашения 1954 года, они развязали в этой стране войну, которая продолжается до сих пор.

В этой войне агрессор замышлял подавить один из социалистических форпостов в Азии, закрыть народам Юго-Восточной Азии путь к свободе и прогрессу, нанести удар всему национально-освободительному движению, "отбить охоту" у всех народов Азии, Африки и Латинской Америки бороться за свою свободу и независимость.

"Во Вьетнаме, - откровенничал несколько лет назад один из деятелей Пентагона, - мы должны доказать возможность подавить революционную войну... Мы ищем способы сломить противника... унизить его, чтобы это послужило предостережением для тех, кто мог бы последовать его примеру. Чтобы заставить противника понять это, мы с каждым днем будем увеличивать количество бомб, сбрасываемых на него, усиливать удары, множить страдания. Если он заупрямится, мы вернем ему его страну. Но уже не ту, что раньше. Она будет пустыней" {1}.

Агрессоры сбросили на Индокитай более шести миллионов тонн бомб - в три с лишним раза больше, чем было сброшено американскими летчиками за всю вторую мировую войну. Только за три года (1969-1971) самолеты Пентагона сожгли более трех тысяч деревень - 26 процентов всех населенных пунктов Южного Вьетнама {2}. Сотни тысяч мирных жителей Вьетнама, Лаоса и Камбоджи были убиты и ранены, миллионы людей остались без крова. Земля Вьетнама изрыта воронками от бомб, усеяна тысячами неразорвавшихся бомб, которые, время от времени взрываясь, поражают людей. Но народ Вьетнама продолжает борьбу. Массированные бомбардировки Демократической Республики Вьетнам, Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи не приблизили агрессора ни на шаг к победе. Демонстрация "воздушной мощи" обернулась демонстрацией бессилия авиации США.

Не оправдались надежды Вашингтона и на свою сухопутную армию. На первых порах (1960-1964 годы) американские генералы не решались послать крупные силы своей армии во Вьетнам. Считалось, что "против азиатов должны воевать азиаты",

а это и составляет суть той самой "вьетнамизации", которая выдается сегодня Вашингтоном за некое нововведение. Однако марионеточные войска Сайгона, как их ни подгоняли американские советники, шли в бой вяло и неохотно. К концу 1964 года стало ясно, что они не смогут спасти марионеточный режим. Чтобы избежать военной катастрофы, Вашингтон начал эскалацию войны. В Южный Вьетнам были спешно направлены части регулярной армии США.

8 марта 1965 года вблизи Дананга высадились первые 3500 солдат американской морской пехоты. "Многие, - писал американский журнал "Нью рипаблик", - вероятно, еще помнят мартовское утро 1965 года. Десантные корабли под проливным дождем прошли через высокие буруны прибоя... Первые морские пехотинцы, попавшие во Вьетнам, быстро развернулись, заняв плацдарм, - точно так же, как они это делали в кинофильмах, которым не одно поколение американцев научилось верить..."{3}.

Однако дальнейшие события развивались совсем не так, как рассчитывали "сценаристы" из Пентагона. Короткой и легкой прогулки не получилось. Началась долгая, тяжелая и кровопролитная война. Хвастливые сводки сменились мрачными донесениями о наступлении крупных сил армии Освобождения, об ожесточенных боях вокруг Сайгона, Дананга, Хюэ и других городов и даже в самих городах, а бодрые письма солдат уступили место зачастую паническим воплям.

"Господи, не отвергай своих глаз от меня, не забывай, что я существую. Весь день вертолеты привозят мертвых. Одни трупы целые, другие разорванные пополам, третьи в мешках. Ярлыки, привязанные к ногам, к рукам. Глаза, которые больше не видят, белые губы, которые больше не будут целовать. Одних приносят на носилках, других привозят на автокарах, свалив в кучу, как мертвую рыбу..."{4} - эти слова из письма солдата Джона Мэрфи своей невесте, проживающей в штате Нью-Йорк, рисуют подлинные настроения среди интервентов, которые уже не верили не только в возможность победы, но и в то, что им удастся выбраться живыми из Вьетнама.

Поражения и тяжелые потери отрезвляюще подействовали на многих "джи-ай", которых к тому времени насчитывалось во Вьетнаме уже более полумиллиона. К их числу принадлежал и солдат Дэвид Паркс, автор предлагаемой читателю книги. Его судьба характерна для многих тысяч американских солдат, которые были спешно призваны в армию, обучены, а точнее - оболванены и посланы истреблять свободолюбивый народ. Его дневник обличительный документ, который нельзя читать без волнения, тяжкое обвинение империализму. Свидетельства

Дэвида Паркса особенно ценны сегодня, когда усиливается борьба за прекращение агрессии США, когда, по выражению английской газеты "Сан", "перед судом всего мира предстала вся американская армия, ее система подготовки, жестокость".

Прежде чем отправиться на один год во Вьетнам, Дэвид Паркс более года проходит боевую подготовку, которая начинается с того, что он выслушивает наставления: "Отныне ты прекращаешь думать, парень. С этого момента за тебя думает твое начальство! Понятно?" Как это похоже на тех, кто в годы второй мировой войны поучал своих солдат: "Отныне за тебя думает фюрер!" Дэвида Паркса и его сослуживцев в учебном лагере в Форт-Диксе, а затем в Форт-Райли освободили от самих себя, вместе со штатским платьем содрали с них все человеческое.

Ежедневная долгая и изнуряющая муштра, беспрерывные тренировки, марши, парады имели целью научить солдат беспрекословному послушанию. Солдат должен стать автоматом, чтобы там, во Вьетнаме, быстро и точно выполнять любое приказание. "Ты неуклюжий идиот! - кричит сержант. - Ты находишься здесь, чтобы научиться убивать! А чтобы убивать, тебе нужна винтовка! Постарайся поскорее зарубить это себе на носу..."

"Не думай! За тебя думает начальство! Стой прямо! Молчать!" - повторяют инструкторы. "Час за часом они долбят нам, как нужно отдавать честь, как представляться офицеру, как говорить "сэр" , как подчиняться приказам - как стать роботом. И они правы, - сдается Дэвид Паркс. - Думать нет никакой необходимости... Теперь я начинаю понимать, для чего нахожусь здесь: научиться стрелять из этой винтовки и убивать все, во что буду целиться".

Этого и добивалось от него командование, которое к тому же не упускало случая напомнить Парксу, что он негр - человек "второго сорта", посылая его на самые грязные работы. Паркс и с этим мирится. Начальство пришло к выводу, что он готов убивать. Кого и за что - этого ему не объяснили, отделываясь общими рассуждениями о необходимости "защиты Америки" и "помощи Вьетнаму".

И все-таки его послали еще в "школу повышенной одиночной подготовки" в Фанстоне, где повторилось все, что было в двух предыдущих лагерях. Тренировки продолжаются, "каждый день мы узнаем что-нибудь новое из науки убивать. Получается, что единственный способ остаться живым - это убивать". Паркса доводят до такого состояния, что он хочет "побыстрей покончить со всем этим" и "отправиться во Вьетнам".

И вот наконец Дэвид Паркс во Вьетнаме, с полным снаряжением, с винтовкой М-16 и шестью обоймами, готовый в любую минуту открыть огонь. Зачем он здесь? Пока его больше тревожит мысль о том, как уцелеть в этой стране. Обилие американской военной техники его успокаивает. Но вот и первый бой, в котором ему было "очень страшно", хотя он находился в бронетранспортере. Первые пленные - "дети не старше пятнадцати-шестнадцати лет, маленькие ростом и очень худые - кожа да кости". Первое преступление: "Сегодня мы уничтожили несколько домиков, так как подозревали, что они принадлежат вьетконговцам". Паркс начинает задумываться над целью и смыслом войны.

Это не мешает ему, однако, быть послушным исполнителем замыслов своего командования. Система автоматизма действует. "Трупы, я хочу больше трупов!" - требовал от своих солдат генерал Уэстморленд, бывший в то время командующим войсками США в Южном Вьетнаме. Паркс - не зря его так долго готовили - выполняет его волю. "Все стремятся к одному: убить как можно больше", - записывает он в своем дневнике. "Каждый день мы выезжаем на поиск, чтобы убивать и убивать. Если мы никого не находим и не убиваем, наступает разочарование".

Паркс рассказывает, как американские водители бронетранспортеров шутки ради бросают кусок хлеба и давят устремившихся к нему голодных ребятишек. Вот мчатся бронетранспортеры по улицам другой деревни, стреляя "во все стороны", а от них бегут жители, "то и дело падая на землю, пытаясь прикрыть собой своих детей". Другие жители неподалеку "протягивали руки к небесам в безмолвной молитве". Огнем бронетранспортеров разрушена еще одна деревня только потому, что в ней, "возможно, спрятались где-нибудь" партизаны. Солдат Джоунс "убил мирного жителя на глазах его троих детей... Вскоре прибыла местная полиция и сказала, что этот человек не имел никакого отношения к Вьетконгу... Я постоянно думаю о его детях. Они будут ненавидеть нас всю свою жизнь". Это уже не тот Паркс! Это уже прозрение...

Страшно читать рассказ Паркса о том, что бронетранспортеры его части, волоча за собой тела пяти убитых партизан, проехали через несколько городов, где жители смотрели па них с ужасом. Зверства, садизм, мародерство, любовь к кровавым сувенирам... "Янг попросил у меня нож. Я дал ему нож и увидел, как он отрезал у трупа палец и снял с него золотое кольцо... Кое-кто из наших ребят измывался и уродовал тела вьетконговцев... Я видел, что сержант Янг носит на шее нанизанную на шнурок пару высушенных ушей убитого

вьстконговца. Я слышал, что другие наши солдаты отрезают у вьетконговцев даже половые органы", - записывает Паркс в своем дневнике.

В разное время по рисовым полям и джунглям Вьетнама прошли два с половиной миллиона американцев. Это были разные люди. Американский журнал "Либерейшн" писал в 1966 году: "Не всем американским солдатам нравится эта война с женщинами и детьми. Но таких американских солдат, у которых их кровавая миссия вызывает возмущение и отвращение, явное меньшинство. Большинство же американских солдат, находящихся во Вьетнаме, не ставит под сомнение приказы, которые приводят к тому, что они обстреливают деревни и уничтожают мужчин, женщин и детей..."{5}. "Это - новое поколение американцев, которое большинство из нас не знает, и нам пора к нему привыкнуть. У этих восемнадцати - и девятнадцатилетних, которых стало модно называть "недоучками", бросившими средние школы, стальные нервы и, вероятно, слишком развит инстинкт убийцы, как любят говорить призовые боксеры"{6}, отмечал корреспондент газетного синдиката Херста во Вьетнаме Уоррен Роджерс.

Преступления интервентов заставили задуматься Паркса. "Никто толком не объясняет пам, почему мы здесь... У меня больше нет терпения ждать, когда прекратится эта кровавая война", - пишет в отчаянии он.

Из дневника видно, как американским солдатам и офицерам приходится расплачиваться за свои преступления, как один за другим находят смерть почти все сослуживцы Паркса, в том числе и любитель кровавых сувениров Янг. Жестокая и преступная война оказывается к тому же бесперспективной, безнадежной авантюрой. Поражения и потери действуют отрезвляюще на интервентов.

Парксу, в отличие от многих других, удается вырваться живым из вьетнамского ада. По дороге домой он пишет: "Глядя вниз на рисовые поля, которые так хорошо знаю теперь, я задавал себе вопрос, имел ли я право находиться там. Когда я попал в армию, таких вопросов у меня не возникало, но сейчас, когда я уезжаю отсюда, вопросы появились. Там, в Штатах, во время начальной военной подготовки нам постоянно твердили, что этим людям нужна наша помощь, что они бедны и не знают, как справиться со своими проблемами, что мы обещали помочь им и поэтому не можем оставить их одних. Все это так, но временами мне казалось, что мы приносим им больше вреда, чем пользы. У меня никогда не было чувства, что я сражаюсь за какое-то справедливое дело".

Дэвид Паркс не одинок. Многие американские солдаты осознали сегодня несправедливость и бессмысленность войны в Индокитае. В результате резко упала дисциплина, участились случаи неповиновения офицерам, отказа идти в бой и даже бунтов целых подразделений. Журнал "Ньюсуик" называет американских солдат во Вьетнаме "солдатами самой разложившейся из действующих армий в истории войн"{7}. 45 процентов "джи-ай" в поисках забвения пристрастились к наркотикам. "Моральный дух наших войск, - пишет газета "Крисчен сайенс монитор", - вероятно, никогда не был столь низок за всю историю армии Соединенных Штатов, как сейчас во Вьетнаме... Плачевное состояние армии само по себе ныне стало одним из убедительных доводов в пользу скорейшего завершения этой войны"{8}.

Президент Никсон признал: "...Во Вьетнаме мы участвуем в такой войне, в которой нет героев"{9}. Нет и не может быть героев в несправедливой, захватнической, преступной войне, которую ведут Соединенные Штаты. Не зря даже американская печать называет американских солдат во Вьетнаме "обреченными умирать за умирающее дело".

"Прости меня, Вьетнам, если можешь!" - восклицали ветераны "грязной войны", швыряя свои ордена и медали на мраморные ступени Капитолия во время антивоенных демонстраций в Вашингтоне. Их устами говорила совесть Америки.

Под ударами патриотов, под давлением своего народа и мировой общественности Вашингтон был вынужден вывести из Вьетнама большую часть своих сухопутных войск, заменив их солдатами марионеточной армии Сайгона. Теперь он снова делает ставку на пресловутую "вьетнамизациго" войны, суть которой состоит в том, что интервенты сражаются в воздухе, а сайгонские солдаты - на земле.

Однако и "вьетнамизация" не оправдала надежд агрессоров. Начав в конце марта 1972 года широкое наступление, Народные вооруженные силы освобождения разгромили почти половину из 13 дивизий регулярной армии Сайгона и нанесли крупные потери остальным, освободили территорию, на которой проживает два миллиона человек. Теперь на всей освобожденной территории Южного Вьетнама число жителей достигло уже 12 миллионов.

Ход боев показал: ни "вьетнамизация", ни "американизация" войны не могут решить проблемы Вьетнама. Эта проблема должна быть и может быть решена только путем переговорен, на основе уважения национальных прав вьетнамского народа.

Героев Вьетнама нельзя сломить. Вьетнамцы, как признает газета "Вашингтон пост", сегодня не менее энергичны,

изобретательны и настроены не менее решительно, чем два, пять или двадцать лет назад". Вьетнамские патриоты, отмечает газета "Нью-Йорк таймс", "черпают свою - силу из летописи сопротивления иностранному вторжению", в то время как сайгонские власти "весьма запятнаны всей своей историей раболепия и своекорыстия".

Советские люди с восхищением следят за мужественной борьбой вьетнамского народа. Твердо поддерживая предложения Демократической Республики Вьетнам, являющиеся реальной и конструктивной основой для урегулирования вьетнамской проблемы, Советский Союз выступает за прекращение бомбардировок ДРВ, за полный и безусловный вывод из Южного Вьетнама войск США и их союзников, за то, чтобы народы Индокитая имели возможность сами определять свою судьбу, без какого-либо вмешательства извне.

Верный своему интернациональному долгу, Советский Союз оказывал и впредь будет оказывать всестороннюю поддержку вьетнамскому народу в его борьбе против империалистической агрессии, за освобождение своей родины. На стороне борющегося вьетнамского народа поддержка других социалистических стран, всего прогрессивного человечества. И мы верим, что недалек тот день, когда героический народ Вьетнама добьемся торжества своего правого дела.

Полковник А. ЛЕОНТЬЕВ

Часть первая: учеба

Воскресенье, 21 ноября 1965 года

Форт-Дикс, Нью-Джерси

В армии все воспринимается совсем по-другому. Я здесь всего три дня, но они тянутся, как три года.

В прошлый четверг мачеха Лиз постучала в дверь моей комнаты в четыре часа утра и заявила, что пора идти на встречу с дядюшкой Сэмом. Я притворился, что не слышу. В действительности я проснулся в три часа и больше уже не спал. Отец встал проводить меня, но был немногословен. Слишком раннее время для него. Он просто пожелал мне всего самого хорошего и заявил, что наша семья отлично обойдется и без героев. А потом снова лег спать.

Лиз, кажется, немного встревожилась, заметив, что я не доел яичницу с беконом, но мне просто не хотелось есть. Из Уайт-Плейнса до призывной комиссии в Маунт-Верноне она ехала вместе со мной. Было еще темно и чертовски холодно. В прогнозе по радио сказали, что будет тепло. Метеоролог, должно быть, судил о погоде, сидя в горячей ванне.

Картина на призывном пункте была безотрадной: ребята

замерзли, дрожали, выглядели потерянными и испуганными. Вокруг причитали матери и отцы, словно нас уже отправляли во Вьетнам. Я сидел в машине до самой последней минуты. Пройдет по меньшей мере два года, прежде чем я снова стану свободным человеком.

Всего на пункте собралось около ста человек, большинство - белые, но среди них было несколько пуэрториканцев и негров. После проверки фамилий по списку нас посадили в два автобуса и повезли на призывной центр Форт-Гамильтон в Бруклине. Все призывники - молодые ребята, я среди них, должно быть, самый старший. Я все время высматривал, нет ли таких, кого я знаю, но все оказались совершенно незнакомыми. Многие были одеты совсем легко и очень замерзли, но в автобусе все согрелись. На пути в Форт-Гамильтон почти никто не разговаривал. Я сидел рядом с битником с длинной бородой и волосами до самых плеч. Это был симпатичный и смышленый парень, и мы нашли общую тему для разговора, поскольку оба после двух лет учебы в университетском колледже валяли дурака. Его очень угнетало, что он попал в армию. "Ненавижу все, что связано с этой проклятой армией. - Эту фразу он повторил несколько раз. - Просто не знаю, что буду делать здесь". Впрочем, я чувствовал себя точно так же, только не высказывал этого. Нет смысла рассуждать об этом, если ты не намерен отказаться от принятия присяги. А отказываться я не собирался.

Когда через два часа мы приехали в Форт-Гамильтон, нас всех загнали в одну большую комнату. Тут были ребята из Нью-Йорка, Квинса, Уэстчестера, Бруклина и многих других мест. Первый лейтенант произнес перед нами короткую речь, заявив, что тот, кто хочет отказаться от службы в армии, пусть выйдет из этой комнаты. Я краешком глаза посмотрел на битника: не выйдет ли он из комнаты? Нет, не вышел. Никто не вышел. Чтобы выйти, тоже ведь надо набраться смелости. Потом офицер приказал нам сделать шаг вперед правой ногой, поднять правую руку и произнести присягу. Эта церемония длилась не более одной минуты. У меня было такое ощущение, словно я попал в ловушку.

Нас продержали здесь почти до половины пятого дня и только тогда повели обедать. Первый армейский обед был плохой. Нам дали так называемый бифштекс - на самом деле это был жесткий и холодный кусок мяса. Такими же невкусными были брошенные в тарелки горох и картошка. Я пожалел, что утром не доел яичницу с беконом.

Около семи часов вечера для собравшихся здесь почти пятисот призывников подали девять автобусов. Нас повезли в Форт-Дикс в Нью-Джерси. Мой отец однажды был там в лагере

бронетанковых войск, рассказывал о нем, и мне очень хотелось посмотреть это место. Теперь ребята чувствовали себя уже несколько свободнее, а некоторые даже смеялись и пели песни. Но смех и песни прекратились, как только мы приехали около девяти часов вечера в Форт-Дикс. Было темно и снова чертовски холодно. От долгого сидения в автобусе у всех ныла спина. К нам бесконечно подходили сержанты и задавали глупейшие вопросы. Потом нас буквально огорошили: сказали, что только теперь начинается процедура вступления в армию. А мы-то надеялись, что наконец ляжем спать...

Заполнив удостоверения личности, мы брали испытательные листки с вопросами (что тебе нравится, что ты ненавидишь, любишь ли, когда тебе приказывают) и отвечали (да/нет, конечно/не очень). Я подчеркивал ответы среднего значения. Посмотрев на мои ответы, сержант как-то странно улыбнулся. Нас спрашивали, где и как мы учились, знакомы ли с огнестрельным оружием, как относимся к тому-то и тому-то, интересовались биографией. Нам сделали десяток уколов, осмотрели каждого с головы до пят, взяли анализ крови. У многих ребят закружилась голова, а некоторых даже затошнило. Большинство просто устало от приказов и чувствовало слабость.

Все это продолжалось до часу ночи. Затем нас снова выгнали на холод, и почти два часа мы стояли в очереди к складам за обмундированием, носильным и постельным бельем. Мы онемели от холода, голода и усталости. Некоторые ребята даже плакали, другие не выдерживали, выходили из очереди и убегали в помещение, но на них набрасывались сержанты и выгоняли их на улицу. Я увидел битника. Он дрожал как осиновый лист, у него начался насморк. Усы и борода стали влажными, из глаз текли слезы. Он вышел на шаг из очереди и переминался с ноги на ногу, чтобы согреться. У меня, вероятно, был не совсем нормальный вид. Пальцы рук и ног замерзли. Я начал подпрыгивать, дурачиться и смеяться, чтобы хоть немного согреться. Стоявшие рядом ребята смотрели на меня как на сумасшедшего и спрашивали, чему это я так радуюсь. Я ответил, что ужасно рад вступлению в эту "замечательную" армию и что я очень "люблю" ее. К моему смеху присоединились сначала еще два парня, а потом прыгать и дурачиться начала вся очередь, кроме битника. Он просто стоял и смотрел на нас слезящимися глазами. Мне стало жаль его, но он, по-видимому, принадлежал к той категории людей, которые не любят проявления сострадания к ним.

На следующее утро нас подняли в пять, дав поспать немногим более двух часов. Стало еще холоднее, а мы не успели

согреться после вчерашнего дня. И снова мы стояли на улице в этой проклятой очереди за завтраком, с пяти до восьми; теперь призывников здесь стало около тысячи. Ребята по-настоящему заскучали по дому. В очереди передо мной стоял парень по имени Лопес. Я вспомнил, что он ехал вместе со мной в автобусе из Уайт-Плейнса. Оказалось, что он кубинец, а не пуэрториканец, как я думал сначала. У него испорченные передние зубы, но в общем-то он симпатичный парень. Рассказал мне, что когда-то его отец имел на Кубе каучуковую и сахарную плантации. Чудно было стоять дрожа от холода и говорить о таких жарких местах, как Гавана, Куба. Лопес нравится мне. Может быть, мы подружимся.

После долгого ожидания на холоде нам выдали холодную яичницу из порошка и по два ломтика бекона. Все это мы запили убийственно крепким кофе. Нас непрестанно подгоняли сержанты. На завтрак отвели всего четыре минуты. Я чувствую, что начинаю скучать по дому, как маленький мальчишка. Некоторые ребята завтрак не съели. Я проглотил его через силу. Может, и привыкну к такой кормежке. Видно, от этого никуда не денешься.

После завтрака нас опять вывели на холод, на этот раз получать армейское снаряжение. То, что нас подолгу держат на холоде, возможно, не плохой признак. Может, нас закаляют для службы в какой-нибудь северной стране, а не во Вьетнаме. Я был бы этому только рад. А очередь, кажется, протянулась на целые мили. Сержанты по-прежнему надоедают со своими вопросами.

- Ты откуда, парень?

- Из Уайт-Плейнса.

- Собачий город.

- Как тебя звать, парень?

- Дэвид Паркс.

- Что это такое?

- Дэвид Паркс.

- Ты ошибаешься, парень. Отныне ты рядовой Паркс. Не забывай этого.

- О... Я думал...

- Отныне ты прекращаешь думать, парень. С этого момента за тебя думает твое начальство! Понятно? Начальство полагает, что ты хочешь выполнить пятнадцать приседаний. Ну!

Я присел восемнадцать раз, пытаясь угодить сержанту.

- Слушай-ка, парень, если я сказал пятнадцать, значит, я хотел, чтобы ты присел пятнадцать раз. А теперь, раз ты такой умный, ну-ка, быстро еще десять приседаний.

На этот раз я присел десять раз. Меня бесило от злости, но,

по крайней мере, я согрелся. Многие ребята бросают свою гражданскую одежду в мусор. Я посылаю свою домой.

Следующая очередь была на стрижку. Семь парикмахеров, работавших электрическими машинками, оболванивали по человеку в минуту. Столько волос я не видел за всю свою жизнь. На полу в одну кучу сваливали самые разные волосы: белые, черные, каштановые... Я искал битника всю остальную часть дня. Мне очень хотелось увидеть, как он выглядит без бороды и длинных волос, но найти его так и не удалось или, может быть, я просто не узнал его. Я чуть не лопнул от смеха, когда увидел Лопеса. Он напоминал мне теперь такого же негра, как и я. Он действительно хороший парень и солдат. Я доволен, что мы попали в одну казарму.

Говорят, нас продержат здесь около двух недель и только тогда разошлют по другим местам для прохождения начального курса боевой подготовки. Большинство негров, которых я здесь встретил, опасаются, что их пошлют на Юг. Я тоже боюсь этого. Лучше мерзнуть всю остальную часть зимы, чем проходить начальную подготовку в южных штатах. Я не привык к тамошней жаре. Самое южное место, в котором я был, это Гринвич Вилидж, и мне не хотелось бы оказаться южнее. Но и отсюда неплохо бы убраться поскорее. Все ребята ворчат по поводу грязных работ, на которые нас назначают: очистка выгребных ям, перевозка мусора, окраска холодных зданий, подметание Двора, мытье окон и уборных. Вчера я чистил и мыл котлы и кастрюли целых двадцать четыре часа. Теперь я буду ненавидеть кастрюли всю свою жизнь.

27 ноября 1965 года

Нас продолжают испытывать физической нагрузкой. Мне все здесь чертовски надоело. Каждый день осматривают с головы до ног. Единственный раз в жизни я пожалел, что здоров. Мне кажется, что они не забраковали бы меня даже в том случае, если бы у меня была деревянная нога.

30 ноября 1965 года

Сегодня день рождения отца. В казарме спокойно, поэтому мне, возможно, удастся черкнуть ему пару строк. Он, наверное, сидит у камина, потягивает бренди и слушает музыку. Разумеется, я не отказался бы составить ему компанию, в качестве подарка в день рождения.

Лопес был сегодня в ударе. Он носился и танцевал по всей казарме, напевая какие-то кубинские мелодии. Он развеселил все наше подразделение. Хороший парень. Мы зовем его теперь Ча-Ча. Его рост около пяти футов и шести дюймов, он худой, косолапит.

Среди нас оказалось несколько задиристых и шумливых ребят

из Бруклина. Они подходят к очереди, выбирают ребят послабее, отталкивают их и встают перед ними. Пять таких молодчиков - три итальянца и два негра - оттолкнули прошлым вечером трех белых парней. Я бы, например, не стал связываться с теми, кто слабее меня. Мне было бы стыдно поступить так. В нашей казарме образовалась маленькая группка таких же, как и я, сильных ребят. Нас заметно уважают и с нами считаются.

1 декабря 1965 года

Сегодня наш сержант опять построил нас на холоде. По выражению его лица мы сразу догадались, что он объявит что-то важное. Он тянул сколько мог, важно, как павлин, расхаживая перед строем, потом взял микрофон и начал вызывать нас по фамилиям. Все мы знали, что нас вот-вот начнут отправлять в разные места для прохождения начальной подготовки. Он растягивал слова, как это свойственно южанам. Я молил бога, чтобы мне не пришлось оказаться где-нибудь в одном месте с ним. Когда он вручил нам листочки с предписанием, я чуть не завопил от радости. Нашу группу назначили в Форт-Райли в Канзасе. Где-то рядом, в Форт-Скотте, родился мой отец. Судя по тому, что он, бывало, рассказывал о своем детстве, зимой там холодно. Как бы там ни было, а это куда лучше, чем в жарких краях. Завтра мы уезжаем.

2 декабря 1965 года

Было немного грустно, когда мы тронулись в путь на самолете из аэропорта Ньюарк. Мы чувствовали, что, наверное, никогда не увидим большинство оставшихся там ребят. Многим из них суждено где-то и как-то погибнуть. Страшно было представить, что они, возможно, думают о нас то же самое. Большая часть наших ребят попала в одну группу, в которой около Двухсот человек, но некоторых назначили в Другие группы, да и в нашу влилось несколько новеньких. Ча-Ча, славу богу, по-прежнему с нами. Я загрустил бы еще больше, если бы пришлось расстаться с этим индюком.

Самолет, на котором мы летим, не реактивный. До Манхэттенского аэропорта, находящегося приблизительно в пяти милях от Форт Райли, будем лететь около пяти часов. Вскоре однако, мы развеселились - Ча-Ча продолжает смешить всех.

Позднее, Форт-Райли, Канзас

Когда мы приземлились и вышли из самолета, нас построил в шеренгу аккуратнейшей внешности сержант. Все в нем говорило о том что он и есть та самая "госпожа армия": рыжеволосый, широкоплечий, веснушчатый и коренастый. Брюки его так отутюжены, что складкой хоть брейся.

- Я - сержант Крауч и...

("Наверное, ты из Бруклина", - подумал я.)

- ...и представляю здесь командование Форт-Райли. Садитесь вот в эти автобусы! Когда мы сели в автобус, он продолжал:

- Теперь вы находитесь на военной службе, в настоящей кадровой армии. Забудьте свои шуточки, иначе будете наказаны. Форт-Райли - это вам не Форт-Дикс. Между ними большая разница. Здесь надо быть порасторопнее постоянно держать ушки на макушке.

Я думаю, что этот сержант очень требовательный и крутой человек. Того и гляди, даст пинка. А пинки мне очень не нравятся. Как хорошо бы снова оказаться в школе! Слишком поздно хватился, мальчик, слишком поздно.

7 декабря 1965 года

Форт-Райли разделен на четыре лагерных района, расположенных приблизительно в пяти милях друг от друга: Мэйн Поуст, Кастер-Хилл, Форсит и Фанстон. Мы попали в Кастер-Хилл.

Здесь есть ребята со всех уголков страны. Многие с Юга. Пока здесь все спокойно. Командир нашей роты - негр, лейтенант Бейкер. Напоминает мне отца: такой же спокойный, смуглый, темноволосый, обладает способностью моментально замечать недостатки. Здоровенный, грубоватый мужчина с выпуклыми бицепсами. Только дурак может осмелиться вступить в единоборство с ним.

Наш рабочий день начинается в четыре часа утра. Мы быстро одеваемся и в одних рубашках выбегаем на улицу для утреннего построения. Холодно - зуб на зуб не попадает. Я всегда с нетерпением жду, когда наконец поднимут флаг и произведут выстрел из пушки - салют. Почему нас заставляют выбегать раздетыми - просто загадка. Наверное, все еще закаляют. Этак от нас останется кожа да кости или мы поумираем от воспаления легких. Столовая у нас в том же здании, где мы живем. Казармы здесь намного лучше, чем в Диксе. Везде очень чисто, поддерживается идеальный порядок. Столовый зал напоминает мне кафетерий в школе, где я учился. Кормят неплохо, но беда в том, что на завтрак дают меньше пяти минут.

Остальное утреннее время уходит на занятия по оружию: изучаем винтовку М-14. Сначала я боялся даже брать ее в руки. Я никогда до этого не держал в руках настоящее оружие. Да и сейчас мне становится как-то не по себе, когда я подумаю, для чего существует эта штука и что она может сделать человеку. Не знаю, как будет дальше. Просто не могу себе представить, что буду убивать кого-нибудь. Винтовка все время почему-то выскальзывает из рук, и всякий раз мне попадает от Крауча. А

сегодня он решительно вышел из себя.

- Ты неуклюжий идиот! - закричал он на меня. - Ты находишься здесь, чтобы научиться убивать! А чтобы убивать, тебе нужна винтовка, на! Постарайся поскорее зарубить это себе на носу, иначе вьетконговцы{10} сделают из тебя отбивную! А если ты уронишь винтовку в бою тебя сразу убьют! Понял?

- Понял, сэр, - ответил я.

- Пятнадцать приседаний с винтовкой на вытянутых вперед руках. Начинай!

Я сделал эти приседания в рекордное время. Сержант стоял рядом и не спускал с меня глаз. Я же видел в это время только острые стрелки на его брюках и начищенные до блеска башмаки. Через десять минут проклятая винтовка опять выскользнула из моих рук. Слава богу, она стукнулась прикладом о носок моего ботинка и Крауч ничего не заметил. Если бы он услышал, это взорвало бы его. И все же я уважаю его как инструктора. Он не задумываясь отвечает на любой вопрос. Вместе с этим он готов в любую минуту дать мне пинка.

Эти инструкторы доводят до сумасшествия. Каждый божий день они кричат и кричат одно и то же: "Не думай! За тебя думает начальство! Стой прямо! Молчать! Держите себя как люди, идиоты! Эй, ты, стой как следует! Прекрати жевать резинку, сколько раз говорить! И так весь день. Час за часом они долбят на как нужно отдавать честь, как представляться офицеру, как говорить "сэр", как подчиняться приказам - как стать роботами. И они правы. Думать нет никакой необходимости.

8 декабря 1965 года

Тренировка, тренировка, тренировка. Марш, марш, марш. Пропади все пропадом! Если хочешь на рождество попасть домой, надо быть хорошим солдатом. На завтра получил наряд на кухню. Опять чистить котлы и кастрюли. Крауч начинает на многих из нас нажимать. Негров здесь мало, и только немногие из них сержанты. Интересно, как некоторые белые ребята с Юга будут выполнять их приказы? Здесь много таких ребят из Джорджии, из Алабамы, из Миссисипи. Они почему-то никогда не разговаривают со мной. Вчера я попробовал наговорить с одним таким парнем. Спросил его, нравится ли ему в армии. Он зло посмотрел на меня и отвернулся. Я заинтересовался еще больше, задал тот же вопрос еще одному на сегодняшней утренней зарядке. "Это мое дело", - резко ответил он. Я решил, что они не стоят моего внимания.

Мой товарищ по комнате - белый парень из Миссури. Симпатичный, но странноватый. Не пьет, не курит, равнодушен к женщинам. Очень застенчивый, сладкоречивый, каждый раз на

ночь читает библию. Мне почему-то кажется, что он не подходит для службы в армии. Впрочем, кто из нас подходит-то? Он очень рассеянный, поэтому то и дело получает выговоры и замечания. Мне жалко его. Однако, кто его знает, может быть, он будет чертовски хорошим солдатом в боевой обстановке.

18 декабря 1965 года

Жизнь настолько однообразна, что писать совсем не о чем. На следующей неделе еду в двухнедельный отпуск домой. Ура!

4 января 1966 года

Сегодня подняли в три часа - учебные стрельбы (учимся стрелять из винтовки) на дистанцию до трехсот метров. Забавное дело. Я выбил 25 из 38. Не так уж плохо для начинающего. На полигоне было чертовски холодно. Теперь я начинаю понимать, для чего нахожусь здесь: научиться стрелять из этой винтовки и убивать все, во что буду целиться. Чаще всего мы стреляем из винтовки М-14, которая поступает на вооружение вместо более тяжелой и длинной винтовки М-1. Вот уж не хотел бы, чтобы в меня попало то, что вылетает из ее ствола. Много классных занятий по командным словам и уставам. Надоело все до чертиков.

Ирландец по имени Ши обычно стреляет после меня. Любит поговорить о женщинах я вспомнить минувшие дни. По-моему, он хороший солдат, немного перепуганный правда. Часто в середине урока просит разрешения у командира отделения пойти в уборную.

Мне кажется, что я неподходящий материал для хорошего солдата. Эти сержанты то и дело одергивают и поучают меня: то я не так стою в очереди на кухню, то не так держу винтовку, то не так марширую, то не так отдаю честь. Все не так да не так. Ничего я не умею делать правильно. Наш сержант Крауч принадлежит к категории людей, которые хотят, чтобы перед ними пресмыкались, да и другие сержанты все время к чему-нибудь да привяжутся.

5 января 1966 года

Нас начинают обламывать по-настоящему. До рождества все было не так еще тяжело и мы особенно не жаловались. Сегодня вечером свет в казарме погасили на тридцать минут раньше. Завтра, наверное, будет трудный денек. Кое-кто говорит, что предстоит марш-бросок на двадцать пять миль. Дай бог, чтоб было не холодно, уж очень не люблю я мерзнуть.

7 января 1966 года

Вчерашний марш оказался не таким уж трудным - ночной форсированный десятимильный марш. Ноги, конечно, очень болят. На нас внезапно "напали" солдаты других взводов, которые

изображали "противника", захватившего нас врасплох. Они укрылись в засадах и ждали, пока мы пройдем мимо. Потом они открыли огонь холостыми патронами и стали взрывать учебные заряды. Сначала было немножко страшновато, но потом все это превратилось в веселую забаву. Один солдат получил ожог от выстрела холостым патроном. Но ожог оказался пустяковым. Все это заставило нас подумать о настоящем противнике там, во Вьетнаме. Утром я отличился в стрельбе на полигоне. Не исключено, что я попаду в снайперы.

8 января 1966 года

Ребята в нашем взводе нравятся мне все больше и больше. Прошло уже более пяти недель, как мы вместе. Может быть, такое чувство объясняется тем, что нас готовят как сплоченную группу, заставляют понять, что в бою мы будем зависеть друг от друга. Белый парень из Нью-Йорка, который не сталкивался с неграми до этого, сказал, что, по его мнению, мы, негры, ничем не отличаемся от белых. Он считает, что многие другие белые ребята тоже начинают понимать это. Ну что ж, это не плохо.

Командир роты говорит, что наш взвод лучший в роте. Он сказал вчера вечером, что ему нужно еще полгода, чтобы подготовить нашу роту к настоящему бою. Наверное, мы превзошли все ожидания на том марш-броске. Крауч держится другого мнения. Там, где дело касается нас, он всегда думает по-другому. Настоящая колючка, ко всему привязывается. Он из Нью-Йорка и думает, что знает, как мы росли и воспитывались там. Некоторые ребята говорят, что на гражданке он был неудачником. В общем, он зануда, ублюдок и с каждым днем становится хуже.

Мой товарищ по комнате немного повеселел сегодня. Получил два письма из дому. Он перечитал их несколько раз, а потом аккуратно вложил в свою библию. Он молчит, как надгробный камень. Не знаю почему, но мне жаль его. Боевую подготовку форсируют. Много разных занятий, урок за уроком. Нагрузка больше, чем у студентов в университетском колледже. Впрочем, это понятно. Студентов в колледжах учат, как жить, а нас здесь учат, как убивать. Проклятая наука, она раздражает меня все больше и больше. Неожиданно все начинаешь воспринимать извращенно. О жизни дома постепенно забываешь.

11 января 1966 года

Сегодня сержант задал нам трудный вопрос. Он поинтересовался, готовы ли мы убивать. Я уже давно и много думал над этим. Не знаю. Вряд ли я готов. Но сегодня я выполнил норму снайпера - поразил 38 из 40 целей. Это хороший результат. Многие ребята далеко позади в этом деле.

Вставать в четыре утра и на холод - это тяжело. Если ты

переносишь эту погоду здесь, то тебе будет нипочем и в любом другом месте. Чертовски холодно и тоскливо в такое раннее время. Мы залезаем в грузовики и едем как селедки в бочке. Стрельба на полигоне продолжается до шести часов. Иногда мы возвращаемся в лагерь пешком, а это не менее двенадцати миль. Утром мы так устали, что еле доплелись до своих комнат в казарме.

Сегодня получил письмо от Марии Анн. У нее замечательное сердце и ум. Ужасно хочется снова увидеть ее.

12 января 1966 года

Сегодня был очень холодный ветер, особенно в четыре утра, сразу после побудки. Ветер дул весь день, а солнце пряталось как испуганный заяц. К счастью, я отстрелялся первым и все остальное время старался провести где потеплее и где нет офицеров. Уж очень они любят Давать нам разные поручения и работы. Погода сегодня отвратительная: дождь, пронизывающий холодный ветер и снег. Хуже всего было на одиночной тактической подготовке. Пришлось ползать по грязи и снегу, взбираться на высокие барьеры и змеей извиваться под проводочным заграждением. Больше всего пострадали ребята с Юга. Роджерс отморозил пальцы, а Филиппе жаловался, что у него ни руки и и ноги ничего не чувствуют. Во время обеда он все говорил, что заболел и подумывает об уходе в самоволку. Сегодня поймали двух в самоволке. Теперь им придется отсидеть шесть недель за колючей проволокой. Они попались на этом деле уже второй раз. Глупо с их стороны. Может быть, они просто не вынесли режима? Так или иначе, но мне жаль их.

15 января 1966 года

Сегодняшний день один из самых тяжелых и трудных: физическая подготовка, тактика, рукопашный бой и пятимильный марш-бросок на стрельбище, а потом обратно пешком. Ночные стрельбы отличаются от дневных. Ночью ты просто направляешь винтовку на объект, а не целишься в него. Нам говорят, что во Вьетнаме бои происходят главным образом ночью, поэтому ночным стрельбам уделяется много внимания. Некоторые ребята на марше свалились. Филиппсу действительно очень трудно: он совсем не может идти. Пришлось нести его, а это не легко - он весит 290 фунтов.

16 января 1966 года

Сегодня во время тренировки сержанты устроили разгон сначала командирам отделений, а потом и нам за неряшливый внешний вид. Это подготовка к парадам, устраиваемым главным образом для генералов и конгрессменов, иногда неожиданно появляющихся здесь. Конечно, в том, что нас учат точности в

движениях, есть какой-то смысл, но какой из этого толк, если мы целыми часами как проклятые стоим на одном месте и не шевелим ни одним пальцем. Чертовщина!

Еще три похоронные церемонии на этой неделе - солдат, убитых во Вьетнаме. Ребят, которых готовили здесь, в Райли. Грустно слушать ружейный салют и траурную мелодию горна в их память. Одолевает мысль, что настанет день, когда те же звуки раздадутся в память о тебе самом. У некоторых ребят испуганный вид, но я сомневаюсь, что чувство страхи охватывает их на самом деле. Проходит немного времени - и все забывается.

17 января 1966 года

Осталось три недели до окончания начальной подготовки. Сейчас нас обучают штыковому бою. Нужно бежать по изогнутой наподобие лошадиной ноги дорожке с установленными на ней чучелами и прокалывать их штыком с криком "бей!". Забавно. У меня всегда вместо "бей" получается "ха-ха". Нас учат и рукопашному бою, на тот случай, когда противник застанет тебя врасплох и без оружия. Сержанты показывают нам, как сбить человека с ног, а, потом прикончить его пинком ноги или резким ударом ребром ладони. Мы тренируемся в небольших окопчиках с соломенными чучелами, и мне кажется, это вовсе не плохое занятие: в окопчиках можно отдохнуть. Вчера Крауч обнаружил меня спящим в одном из них, и мне, конечно, здорово влетело от него. Он говорит, что я отношусь к этому делу нечестно и что у меня нет необходимой для убийства интуиции.

Несмотря на то что курс обучения приближается к концу, мне кажется, мы многого еще не знаем и не умеем, особенно для штыковой и рукопашной схватки.

18 января 1966 года

Мой друг Ши все больше и больше злит Крауча. Иногда он даже является своеобразным громоотводом для меня. Он всегда или засмеется, или заговорит в недозволенное время или в неположенном месте. Сегодня утром он рассказал смешную историю о сержанте, который помогал безрукому солдату. Этот сержант якобы наливал в кружку воду, подносил ее ко рту безрукого солдата, вытирал ему губы и помогал в других подобных ситуациях. Все шло хорошо, пока безрукий парень не позвал сержанта из уборной: ему понадобилась помощь в обращении с туалетной бумагой. Мы все покатились со смеху, но Крауч вовсе не нашел это смешным. С тех пор он назначает Ши на чистку уборной. А на следующую неделю его назначили в наряд на кухню. Забавный ирландец.

Погода стоит хорошая, но холодная. Около двадцати градусов мороза.

19 января 1966 года

Сегодня утром и вечером были занятия по проникновению в расположение противника. Когда мы проползали 250 ярдов под заграждением из колючей проволоки, поверх нас вели огонь боевыми патронами. Это были уже не игрушки, и нас бросало в дрожь. Я исцарапал себе всю спину. Мы проделали это дважды, и во второй раз я потерял часы, подаренные отцом на рождество. Придется потом сходить туда и поискать их.

Невероятно, но в сегодняшних соревнованиях по штыковому бою я занял первое место и поэтому в субботу буду представлять нашу роту на батальонных соревнованиях. Все ребята, в том числе и Крауч, очень удивились, что я занял первое место. Они решили, что я занимался фехтованием в подготовительной школе. Чудаки.

20 января 1966 года

Часы не нашел - пропали. На улице, когда мы вышли сегодня утром, было около двух футов снега.

21 января 1966 года

Есть здесь один сержант, которого мы все любим и уважаем, он нам как отец. Его фамилия Ноулс. Высокий, стройный, носит очки и всегда жует резинку. Это единственный человек, к которому можно обратиться с любым вопросом и за любой помощью. Куда бы нас ни послали, дай бог, чтобы он был с нами. Если мне придется быть в бою, он, по-моему, как раз такой человек, которого хотелось бы иметь рядом с собой.

24 января 1966 года

На батальонных соревнованиях по штыковому бою я проиграл. Другие роты оказались умнее. Они выделили более рослых ребят. Я метался, как кукурузное зерно на жаровне. Ничего не поделаешь, по крайней мере было весело.

Сегодня опять шел снег, но мы большую часть дня находились в помещении: готовились к экзаменам на будущей неделе. Завтра будем бросать гранаты, возможно боевые.

Сегодня получил письмо от мамы. Она никогда не забывает написать. Замечательная женщина.

Сержант Крауч, по-видимому, читал мой дневник, пока я был на уроке сегодня. Он спросил меня насчет сержантов, которые хотят, чтобы перед ними пресмыкались, - кого я имел в виду, хотя ему это хорошо известно, ведь я назвал его по имени. Я ответил ему, что это всего лишь мои второстепенные мысли и не стоит принимать их близко к сердцу. Даю голову на отсечение, завтра он назначит меня в наряд по кухне.

У нас есть здесь и другие, хорошие сержанты, такие, как Браун из Миннеаполиса. Он очень худой, с большой головой и длинными ногами. Мы зовем его между собой "ногастым". Он

всегда кричит на нас тонким голоском, не придавая никакого значения выкрикиваемым словам. Сержант Гроупер тоже хороший парень, всегда подскажет нам, как нужно себя вести, чтобы не попасть впросак. Он белый и пока единственный умеющий весело отсчитывать ритм шага на марше. Если он ведет нас один, то начинает выкрикивать всякую ерунду, вроде: "В гору, с горы мы идем, к Мэри-красотке зайдем. Если красотка ушла, значит, другого нашла".

26 января 1966 года

Крауч все-таки отыгрался на мне. Назначен в наряд по кухне на этот уикэнд. До отпуска девять дней, время бежит быстро, занятия и занятия. Сегодня были учения по штурму позиций противника. Мы шли и ползли по узким дорогам и стреляли по стационарным целям. Наступали целой группой. Пока одна шеренга стреляла, другая продвигалась вперед. Было страшновато, потому что некоторые ребята стреляли, не очень-то выдерживая направление.

27 января 1966 года

Сегодня утром опять было учение по штурму позиций противника. И холодно ж, черт возьми, по крайней мере двенадцать градусов ниже нуля. Нас, наверное, готовят для войны с эскимосами. У меня настолько замерзли пальцы, что я думал, они отвалятся. Был момент, когда я с ужасом почувствовал, что они как будто в огне. Ноги до сих пор не согрелись. После десяти часов пребывания на таком холоде начинаешь подумывать об уходе в самоволку. Некоторые ребята даже плакали. Они ужасно посинели. Один очень черный негр все время жаловался, что белеет, а белый парень с Юга засмеялся и сказал: "Ничего, парень, не бойся, не замерзнешь".

29 января 1966 года

На улице по-прежнему ниже нуля. Ребята маршируют - готовятся к этому проклятому параду. Пропади он пропадом. Я в списке больных. Вчера вечером на занятиях по тактике я зацепился задом за колючую проволоку. Ши пришлось выпутывать меня. Он так смеялся, что снимал с меня проволоку целых пять минут Крауч сказал, что если такое дело произойдет со мной во Вьетнаме, то "чарли"{11} поджарят на обед мой зад.

Трех ребят, ушедших в самоволку, до сих пор не нашли. Наверное, теперь их ищет эф-би-ай{12}, Несколько человек из нашей роты подумывали о том, чтобы сбежать и скрыться по ту сторону горы, но мы отговорили их. Осталась одна неделя, но многие ребята все еще не готовы воевать. Теперь уже поздно и ничему не научишься. Дядя Сэм заграбастал нас на следующие двадцать два месяца.

31 января 1966 года

Еще несколько дней - и начальной подготовке конец. Все мы как выжатые лимоны. Теперь экзамены. Мне они кажутся совсем ненужными. Разве может кто-нибудь забыть то, через что нам пришлось здесь пройти? Это так же бессмысленно, как крутить забитый до отказа винт. Единственное светлое пятно во всем этом деле - двухнедельный отпуск после экзаменов. Наверное, это будет последний отпуск, следующего долго-долго не дождемся. Ух и повеселюсь же я!

3 февраля 1966 года

Некоторые из экзаменов, которые я уже сдал, оказались намного легче, чем я ожидал. Может, оставшиеся будут труднее? Все ребята волнуются, нервничают. А что волноваться-то? В одном можно быть уверенным: никого из нас не уволят.

5 февраля 1966 года

Ну вот и конец. Я получил 85 очков, хотя и не очень-то стремился к этому. Оценка Ши ниже но он совсем не огорчен этим. Сегодня повесили списки с назначением. Собравшиеся около них ребята зло шутили и острили. Ча-Ча Лопес и я, кажется, остаемся вместе. Мы оба назначены в школу повышенной одиночной подготовки. Это здесь же, в Райли, только в другом районе, наверное в Фанстоне. Сейчас мне на все наплевать.

20 февраля 1966 года

Мои предположения оправдались - мы в Фанстоне. Никакого сравнения с Кастер-Хиллом! Казармы - старые деревянные дома. Нас набили в них как сельдей, да и пахнем мы как сельди. Дом двухэтажный, и на всю казарму только две ванны. Должно быть, они построены еще во времена первой мировой войны. Повышенная одиночная подготовка - это, конечно, не забава, и нам будет не легко. Но пока на нас никто не нажимает. Начальство, наверное, занято подготовкой камер пыток для нас. Говорят, что мы пробудем здесь десять месяцев. Ну что ж, это как раз до рождества.

21 февраля 1966 года

Сегодня получил письмо от Марии Анн из Швеции. До чего же она хороша и все понимает. Надеюсь, она будут еще свободна, когда меня уволят. Мы можем здорово зажить вместе. Но до увольнения еще очень далеко.

26 февраля 1966 года

Мне изменили военно-учетную специальность. Временно меня зачислили в какую-то моторизованную группу. Не имею почти никакого представления, что это значит. Сержант Гроупер тоже здесь, поэтому на марше с его сексуальными прибаутками

нам опять будет весело. Обычная подготовка начнется только через неделю. Пока нас, видимо, будут назначать на различные работы.

4 марта 1966 года

Начались беспокойные и трудные дни. Меня сегодня доконали. Во-первых, сегодня день моего рождения и в качестве подарочка я в наряде по кухне. Уже третий раз на этой неделе. Обычно в наряд по кухне каждого назначают раз в две недели. Здесь и еще один негр, ему тоже дают наряд за нарядом. Его фамилия Оллгуд. Он говорит, что, с тех пор как попал в Фанстон, его и еще одного негра сержант назначает на кухню по нескольку раз в неделю. На меня нажимает белый сержант Моррис. Ему все не нравится: и как я одет, и как стою, и как иду, и как разговариваю. Он не спускает с меня глаз. Сегодня утром он приказал мне выйти из строя:

- Паркс, ты выглядишь так, будто только что из Гарлема.

- Почему, сержант? - спросил я. - Почему вам так кажется?

- Знаю я вас, вы все одинаковые, - сказал он.

- То есть все новобранцы? - переспросил я.

Он бросил на меня злой взгляд.

- Нет. Я сказал, вы все. Тебе бы пора знать, что значит - вы все. А теперь помолчи и получи-ка десять приседаний.

Я так и не понял, что он имел в виду под "вы все", но старательно выполнил десять приседаний. С каждым днем мне становится здесь труднее и труднее. Лучшего для вступления в двадцать второй год жизни и не придумаешь.

7 марта 1966 года

Не знаю, где учились большинство ребят из нашей казармы. Сквернее их привычек и повадок я не видел. Они ковыряют в носу, по целой неделе носят одни и те же носки и нижнее белье. В казарме вечно стоит вонь. Три четверти их - с Юга и говорят с отвратительным акцентом. Поначалу мне показалось, что Оллгуд - парень из Миссисипи - говорит довольно плохо, но по сравнению с этими кракерами {13} его речь звучит, как речь английского профессора в Оксфорде. Все они держат себя обособленно. Редко кто говорит со мной. На товарища по комнате мне повезло. Белый парень по фамилии Постхорн из Шебойгана в штате Висконсин. Хороший парень, говорит медленно и негромко, шаг медленный, ничем и никому не надоедает, все воспринимает спокойно и знай себе выполняет задания. Хотелось бы и мне так, если бы, конечно, эти сволочи сержанты не наседали на меня.

10 марта 1966 года

Странно, но я становлюсь все более и более уверенным в

себе. Может быть, это оттого, что меня все больше и больше возмущает то, что обо мне думают и как ко мне относятся здесь, в армии. Я не люблю, когда меня отталкивают. Никогда раньше о белых ребятах я так плохо не думал. Может быть, это потому, что раньше я и не встречал таких белых ребят, как эти. Они ни на минуту не дают тебе забыть, что ты цветной, а они белые. Раньше я никогда не думал так много о том, что у меня цветная кожа, даже в школе, где я был единственным негром. Дома вопрос о том, что мы цветные, тоже никогда не вставал. Ко всем относились одинаково. Хотел бы я взять одного из этих щенков домой, пусть бы он посмотрел своими глазами. С тех пор как помню себя, я и другие ребята на нашем дворе были как Объединенные Нации. Ну ладно, посмотрим, как эти белокожие братья будут вести себя в бою, под огнем. Может быть, настоящие пули несколько изменят их взгляды и отношение к нам.

12 марта 1966 года

Устал от ожидания. Иногда мне хочется, чтобы нас посадили на пароход или самолет и отправили поскорей во Вьетнам или куда там нас еще пророчат. Чтобы быстрей покончить с этим. Я все чаще и чаще начинаю размышлять: буду ли я жив в это же время на будущий год. Хорошего в таких размышлениях мало. На войне вряд ли будет много времени раздумывать над этим. А жизнь пока была вовсе не плохой, даже хорошей. Размышлять о будущем иногда страшновато. Впрочем, к черту эти мысли. Придет время - все будем на том свете. И все же надеюсь, что мое время придет еще не скоро.

15 марта 1966 года

Сегодня начались занятия. Собравшееся здесь стадо не умеет даже маршировать. Отряд каких-нибудь бойскаутов и то ходит в строю лучше, чем они. Больше того, они не могут толком ответить ни на один вопрос, которые задают преподаватели. Наш командир, второй лейтенант, просто не знает, что с ними делать. Я со своими 85 экзаменационными очками буду здесь одним из первых. И подумать только, этих олухов будут учить позднее минометному делу! Они наверняка подорвут своих же солдат. Надо будет смотаться из этой компании, как только представится возможность. Эти щенки беспомощны и безнадежно глупы. К тому же они невозможные неряхи и фанатики.

Начинается жаркая погода. Отец говорил, что весной в Канзасе изумительно. Ха, ему бы надо было побыть здесь весной в армии. Говорят, что летом здесь даже в тени бывает 40-45 градусов жары.

18 марта 1966 года

Получил проникновенное письмо от Марии Анн. Ужасно

скучаю по ней. Люблю эту девушку и всегда буду любить.

Попал в класс специалистов связи. Нами руководит парень в звании на одну ступень выше рядового первого класса. По идее, он должен быть хорошим специалистом в области радио и телефонии. Но, по-моему, этот турок не сможет разобраться не только в радио, а в самых простых грядках с огурцами. Половина ребят нашего класса не обращают на него никакого внимания, главным образом потому, что он никогда ничего не говорит. Ходят слухи, что он племянник какого-то генерала. Ча-Ча Лопес пишет все время классных занятий рассказ о том, как японская девушка влюбилась в кубинца. Он все время о чем-то мечтает. Забавный парень этот Лопес.

21 марта 1966 года

Сегодня начали изучать 12-миллиметровый пистолет. Это довольно внушительная и страшная штучка. Надо будет привыкать к ней; судя по всему, во Вьетнаме это будет мой самый лучший и верный друг.

Вот же чертовщина какая! К нам пожаловал его величество сержант Крауч! Будет учить нас обращаться с минами. А я-то надеялся, что больше не увижу его никогда в жизни. Что мы такое сделали, что бог послал его снова к нам? Хотелось бы мне посадить его на одну из мин да пульнуть ее куда подальше. О, как я "люблю" этого человека!

Я не увольнялся и никуда не ходил здесь, за исключением кино. Сегодня впервые, с тех пор как я в армии, получил увольнительную. Вместо с Ча-Ча поехали в Джанкшн-Сити. Отвратительное местечко, ничего хорошего. Кинокартина - дрянь, девчонки на улицах города - тоже дрянь. Я и не подумал тратить таким образом нелегко доставшиеся мне деньги. Как и везде, негритянский район самый плохой. Военная полиция держит его под особым наблюдением: здесь случаются различные происшествия, шатается немало и белых солдат, особенно любят бывать здесь белые с Юга. Один южанин, по имени Кэлхаун, явился в казарму поздно вечером и был все еще "на взводе". Начал хвалиться во весь голос, как провел время с негритянкой. Он орал так, что его слышно было во всех уголках казармы. Сначала я старался не обращать на него внимания, но потом он надоел мне со своими рассказами. Я не вытерпел, подошел к нему, взял за шиворот и поднес кулак к его морде. "Еще один выкрик, и я сверну тебе нос на сторону", - пригрозил я ему. Он замолчал. Если он рассказывал правду, то, думаю, получил по заслугам. Он никогда не забудет этого.

Конечно, никого не касается, с кем и как он провел время. Мне просто не понравилось его отношение к этой девушке.

28 марта 1966 года

Моя главная беда в том, что сержанты, стоит им только взглянуть на меня, начинают надоедать своими глупыми вопросами. Вот вчера, например, Крауч. Я сидел и читал в нашем клубе. Он проходит мимо меня, потом возвращается и начинает осматривать меня с головы до ног.

- Что ты замышляешь, Паркс? - спросил он с глупой усмешкой.

- Ничего, сержант, я и так уже по уши в ваших замыслах, - ответил я ему.

Он повернулся и отошел прочь, не сказав ни слова. Но он наверняка что-нибудь задумал. Мне тошно здесь и с каждым днем становится тошнее. Уж лучше бы во Вьетнам скорее.

1 апреля 1966 года

Сегодня снова письмо от Марии Ани. Она, кажется, очень недовольна школой. Ей стоит больших усилий продолжать учебу; осталось всего несколько месяцев до окончания.

Мы приступили к изучению тяжелого оружия: 89-миллиметровая ракетная установка, гранатомет М-79 и 81-миллиметровый миномет. Миномет пока, пожалуй, самый трудный. Его обслуживает расчет из трех человек, которые наводят, заряжают и стреляют с такой скоростью, на какую только способны.

11 апреля 1966 года

На пасхальное воскресенье я был в наряде по кухне. Мне нельзя было даже позвонить домой. Совсем заездили. На этой неделе уже второй раз в наряде по кухне. Осталось еще четыре недели повышенной одиночной подготовки.

19 апреля 1966 года

Прошлой ночью дождь лил как из ведра и грохотал гром. Это наводило на размышления о Вьетнаме. Впервые стоял в карауле. Оказалось, это не так уж трудно. Два часа на посту и четыре часа отдых. Вот только охватывает ужасная скука. По-моему, для меня эта ночь была самая тоскливая за всю жизнь. Было очень темно, и к тому же все заволокло туманом. Я стоял на посту у служебного гаража, смотрел, чтобы не произошло то, чего никогда и не должно было произойти. К концу пребывания в карауле я почувствовал себя дураком, как будто все это какая-то глупая затея и мне отведена в ней одна из ролей.

Теперь на повышенную одиночную подготовку осталось всего три недели. Нас научили многому. Вернее, не столь уж многому, но то, что мы усвоили, наверное, сыграет важную роль там, в бою. Каждый день мы узнаем что-нибудь новое из науки убивать. Получается, что единственный способ остаться живым это

убивать. Вчера ездили в бронетранспортерах. Здорово! Как все равно моторные катера, которые мы гоняли в Плейленде.

25 апреля 1966 года

Все зашло в тупик. Скука чувствуется еще больше. Сегодня меня совсем вывели из терпения. Меня хотели поставить в наряд по кухне в третий раз на этой неделе. Я решил: к черту это дело - и пошел вместе с Ча-Ча в гарнизонную лавочку, где мы немного выпили.

Пришлось являться к первому сержанту. Наверное, наложат какое-то взыскание.

Говорят, тридцать пять процентов из нас отправят за океан в этом году. Мы не знаем. Выбор на нас может пасть и в следующую неделю, и в следующий месяц. Я надеюсь, что пронесет. Эта группа не справится даже с бойскаутами.

11 мая 1966 года

Наконец-то закончилась повышенная одиночная подготовка. Восемь скучнейших недель всякой дребедени. Ча-Ча злой как черт.

Говорят, что большинство из нас попадет в Германию. Мне все равно. Я почти уверен: пошлют во Вьетнам.

Кто-то сказал, что мы останемся здесь для подготовки по ракетному делу. Меня опять, наверное, будет преследовать Крауч. Впрочем, сейчас этим разговорам верить нельзя. Слухи витают кругом, как мухи. Только нервничаешь из-за них. Один парень клянется и божится, будто бы слышал, что нашу группу отправят в Париж. Врет, наверное.

12 июня 1966 года

Большую часть мая не мог найти своего дневника. Он просто исчез. Перерыл все свои вещи - его нет. Думаю, что это дело рук Крауча. Он уже однажды брал его. Ну и черт с ним. По крайней мере узнает, как безумно я "люблю" его. Надо будет найти более скрытое местечко для дневника или устроить Краучу какую-нибудь хитрую ловушку.

Сегодня я - дежурный шофер. Вожу "джип" и дежурю у телефона круглые сутки. Ночью у меня помощник, ленивый сержант, который большую часть времени спит, а я выполняю его обязанности. Можно было бы, конечно, пожаловаться, но ведь я всего-навсего вшивенький рядовой третьего класса, самый младший ранг в армии.

Сейчас у нас больше времени подумать о доме, о пройденном курсе обучения и о том, куда и когда нас пошлют. Интересно, все-таки здесь есть ребята из всех штатов. И подумать только, нас всех готовят для одного и того же дела, в то время как половина из нас не может сказать доброго слова другой половине. Когда мы

стоим в строю на подъеме флага или маршируем, мы все - единое целое. В другое же время мы совершенно забываем об этом и каждый сам по себе. Я не могу представить, чтобы кто-нибудь из этих щенят с Юга уважал меня больше, чем какого-нибудь вьетконговца. Все они, наверное, будут относиться к гражданским вьетнамцам так же, как относятся к неграм в своих штатах. Это заставляет задуматься, почему все так происходит.

20 июля 1966 года

Меня перевели из моторизованной группы. Теперь я в пехоте. Нам сказали, что здесь подготовка будет намного труднее, чем в артиллерии, и работать придется до глубокого вечера. Нас, наверное, действительно готовят для каких-то отдаленных мест. Поговаривают, что к декабрю мы будем в Сайгоне. Я в четвертой роте 56-го пехотного полка. Ча-Ча по-прежнему вместе со мной, но много и новых ребят, которых я еще не знаю.

26 июля 1966 года

Опять нас заставляют много маршировать. Парады, парады и парады. В прошлые две недели было несколько похорон жертв войны во Вьетнаме, ребят, которые учились здесь. Мы встаем в четыре утра, а ложимся спать в двенадцать, а то и в час ночи. Они действительно замучают нас. Я в минометном подразделении, и нам приходится много заниматься в поле. Нас отделили от остальных в роте, так как занимаемся по особой программе. Очень уж много ходим. Я думал, что мои ноги выносливые, но и они покрылись волдырями.

26 августа 1966 года

В нашем подразделении есть три белых парня, которые выслуживаются, чтобы получить звание. Я прозвал их "три холуя". Они готовы пресмыкаться перед любым офицером и очень злятся, что я не поддерживаю их в этом. Вот уж не хотел бы оказаться с такими где-нибудь в бою. Они растеряются при малейшей опасности. Даже здесь, на полигоне, трудные минуты можно всегда определить по их действиям. Я боюсь за все подразделение. Вообще мне не хотелось бы быть в пехоте. Надеюсь, что меня переведут из этой роты. Я чувствую себя здесь не на месте. К смерти лучше уж ехать на чем-нибудь, чем идти своими ногами. Эту дивизию направят во Вьетнам, об этом все говорят. Но мы не подготовлены к боевым действиям, особенно наше подразделение. Ребята теряются даже здесь, в Райли, а что же с ними будет во Вьетнаме?

По-моему, никто серьезно не задумывается над тем, что мы вот-вот попадем в настоящий бой, что со всякими учениями и играми будет покончено. Интересно, какими мы будем там?

29 августа 1966 года

Сегодня утром мы оставили казармы и расположились биваком в лесу. Проживем здесь четыре дня, будем играть в войну и поедать боевые пайки. Весь день жара и невыносимые мухи. Наверное, было не менее сорока градусов. Большие черные мухи налетали на нас как бомбы. "Три холуя" показали, что они собой представляют. Мексиканец из Невады, Санчес, серьезно заболел. Эти стервецы даже не остановились, чтобы помочь ему. Один из них выразил опасение, что грязного мексиканца может стошнить и тот запачкает ему рубашку. Я позвал Ча-Ча, и мы отнесли больного в палатку. Представляю себе, если меня ранят и рядом будут вот такие, как эти. Они ведь побоятся, что их рубашка испачкается кровью.

Санчес очень тихий, почти ничего не говорит. Ребята думают, это оттого, что он плохо знает английский язык. Они не любят его. Но мне кажется, в бою он будет отличным солдатом. Он, видимо, чем-то озабочен. Я попытался заговорить с ним. Спросил его, есть ли у него дома любимая девушка. Он ответил одним словом "Да" и больше ничего не сказал. Не хочет говорить ни о своих родителях, ни о доме. Просто покачает головой, и все. Я спросил, какое у него хобби, но он, кажется, так и не понял, о чем я спрашиваю. Но я не оставлю его. Он болен, и кто-то должен быть около него. Я останусь с ним в одной палатке, пока мы живем на биваке.

2 сентября 1966 года

Теперь даже один вид этих "трех холуев" вызывает у меня ненависть. Ужасная троица. Большинство ребят думают, что они доносят на нас сержантам. Я страдаю от них больше, чем, наверное, буду страдать от вьетконговцев. Я бы запросто расправился с ними один.

Прошлым вечером я долго разговаривал о Санчесом. Нельзя сказать, что он разоткровенничался, или, может быть, ему и в самом деле не о чем говорить-то. Он, по-моему, живет в каком-то воображаемом мире. Впрочем, мы ведь все частенько мечтаем, особенно я. Ничего с этим не поделаешь. Ну, а Санчес так и не выходит из воображаемого мира.

Завтра последний день бивачной жизни. Я рад уйти наконец из этого леса и вернуться на уикэнд в казарму. Мы строим здесь укрытия от минометного обстрела, совершаем внезапные нападения на другие роты, патрулируем участки леса ночью и вообще живем как настоящие воины. Если во Вьетнаме мы будем все так же путать, как здесь, то противник справится с нами запросто. Боевые пайки, которыми мы питаемся пять дней, никак не спутаешь с жареным куском мяса.

15 сентября 1966 года

Мы опять вышли в поле и расположились биваком. Я сомневаюсь в этом, но, судя по слухам и сплетням, мы будем здесь до декабря. Если так, то хорошего в этом мало. Впрочем, прежде чем отправиться во Вьетнам, мы должны, конечно, привыкнуть к жизни на открытом воздухе. Там придется жить и воевать в джунглях, может быть, целый год. Хуже этого ничего не придумаешь. А за весь период пребывания там дают только одну неделю отдыха.

19 сентября 1966 года

Четвертый день бивачной жизни и занятий в поле. Мы роем окопы, чистим оружие, нас кусают разные жуки и мухи, и мы изнываем от жары. По ночам в поле холодно. Меня перевели в радиотелефонисты. Действия частей и любые передвижения немыслимы без связи. Взять минометные взводы, например. Огонь из минометов не открывают до тех пор, пока не получат донесение от передового наблюдателя, который продвигается вместе с пехотой. Поэтому приходится ждать такого донесения. Если наблюдатель замечает какое-нибудь движение противника или если он сам попадает в беду, то вызывает огневую поддержку артиллерийских и минометных батарей, расположенных в тылу.

25 сентября 1966 года

Прошлой ночью несколько часов подряд лил дождь. Наша палатка промокла, стало холодно, спали под мокрыми одеялами. Среди ночи пришлось подняться и искать двух пропавших ребят. Во время поиска наткнулись на ползающих в грязи солдат. Оказывается, они отбывали наказание за то, что вышли из окопов во время дождя. Видик у них был, прямо скажем, нечеловеческий.

Я во взводе 81-миллиметровых минометов. Это довольно тяжелое оружие, и поэтому мы мало перемещаемся. Но нас заставляют быть в постоянной готовности. Я сижу на одном месте и передаю донесения и приказания минометчикам других взводов, замыкающихся на мою радиотелефонную станцию. Мне не так уж плохо.

29 сентября 1966 года

Ужасная жара. Я собрал сегодня футбольную команду. Вот уж не думал, что мне удастся организовать ее. Это бригадная команда, поэтому мы будем играть только с командами нашей дивизии.

3 октября 1966 года

Горжусь тем, что держусь независимо, но зато нахожусь по-прежнему в самом низком звании. Вчера присвоили звание специалиста четвертой категории всем, кроме Санчеса и меня. Мы по-прежнему рядовые первого класса. Подлизы-холуи добились чего хотели. Теперь они отыгрываются на мне.

Сержанты отдают приказания, а эти сволочи ведают нарядами на работы. Ну и черт с ними, они пресмыкались, чтобы получить звание, а теперь будут пресмыкаться, чтобы удержаться в этом звании. А мне хорошо и на низших ступеньках. Слишком многие на моих глазах добились званий исключительно унижая себя. Может быть, я поступаю и неразумно, но лучше уж получать наряды на работы, чем пресмыкаться. Отец всегда говорил мне, что трудно бывает первый раз, а потом привыкаешь.

На прошлой неделе наше подразделение показало себя неважно. Мы валяли дурака и очень шумели. Второй лейтенант вынужден был следить за нами, и многим от него досталось. Никто не жаловался - мы заслужили это.

Пехотинцы ненавидят нас, минометчиков. Мы сидим на одном месте и практикуемся со своими минометами, а пехотинцам приходится все время топать. А когда наступает время спать, сержанты отправляют их в ночное патрулирование. Не везет им - шагай и шагай.

15 октября 1966 года

Прошлой ночью в поле было чертовски холодно. Особенно холодно было около трех часов, когда мы совершали пятимильный переход. Несколько ребят получили небольшие травмы: проваливались в ямы или натыкались в темноте на валуны. Впрочем, серьезно никто не пострадал. Нам необходимо научиться действиям ночью. Говорят, вьетконговцы именно этим и примечательны.

Сегодня был футбольный матч. Мы проиграли. Несыгранная команда. Тренер поставил меня в защиту. Играть было тяжело. Один момент в игре запомнится мне надолго. Защитник соперников, весивший 250 фунтов, прошел по моему краю, и я оказался единственной преградой между ним и воротами. На какой-то миг я пожалел, что играю в футбол. Однако, зажмурив глаза, ринулся на него. Говорят, я остановил его, но мне как-то не верится. Остальное время матча скучал у боковой линии.

21 октября 1966 года

Моя рота все еще на учении в поле, а я все еще играю в футбол. Время сейчас холодное, и я очень рад, что нахожусь здесь, а не с ротой. Ребята в моем взводе не очень-то довольны этим. Они называют меня героем футбольного поля и язвительно спрашивают, не собираюсь ли я играть в футбол во Вьетнаме. Да, им, конечно, обидно. Но мои обязанности защитника вовсе не легчайшая работа в мире. Когда ложусь спать, тело у меня ноет больше, чем у них.

Морсон и я ходили вечером в Манхэттен - городок, расположенный приблизительно в пяти милях от базы. Мы были в

негритянской части города и здорово тяпнули там. Морсон - заядлый бабник. Все разговоры только вокруг секса. Если верить его рассказу о том, сколько у него было девочек в Бруклине, то он специалист в этом деле первейший.

Позже мы побывали в той части города, где живут белые. Там кругом зеленые газоны, а улицы и тротуары асфальтированы. Поразительный контраст с негритянским районом, ветхие дома которого расположены почти в лесу. Зашли в ресторан и заказали пиццу. Через пол часа нам наконец подали заказ, но тесто оказалось сырое. Мы попробовали его, швырнули деньги на стол и ушли. Официант смеялся, когда мы уходили. Обидно, черт возьми, сознавать, что оба мы, может быть, умрем за страну, в которой к нам так относятся.

28 октября 1966 года

Сегодня был последний матч. Из пяти сыгранных игр мы три выиграли и две проиграли. В результате наша команда заняла второе место. Теперь впереди у меня только одно - Вьетнам. Эта перспектива нисколько не радует.

12 ноября 1966 года

Сегодня командир роты приказал нам не спеша собирать вещички для поездки за океан. Он не сказал, куда именно, но все мы уверены - во Вьетнам. Мы стояли в строю, когда он объявил это. Не могу понять, почему некоторые ребята смеялись. Или им начисто промыли мозги, или ни просто дураки.

15 ноября 1966 года

Проходит последняя проверка. Выезжаем в конце месяца.

25 ноября 1966 года

Нам повезло. Выезд назначен на 13 декабря. Все мы очень рады этому. Мне приказано по прибытии на место явиться в другую часть. Это неплохо. Часть, в которой я нахожусь сейчас, к бою не подготовлена. Жаль будет расстаться с Ча-Ча, Морсовом и еще несколькими друзьями. Они хорошие и смелые ребята. Хорошо еще, что мы будем в одной дивизии. Меня назначили в подразделение бронетранспортеров. Итак, я буду ездить, а не ходить пешком.

Каждый день мы слушаем радиопередачи. То и дело сообщают, сколько человек убито. Невольно приходит в голову мысль, что когда-нибудь и ты попадешь в число убитых. Становится все страшнее и страшнее. Разговоров и шуток стало намного меньше. Всякий раз, когда мы слышим, что такая-то рота или такой-то взвод был уничтожен, мы становимся молчаливее и серьезнее.

13 декабря 1966 года

Ну и денек для отъезда! Чертовски холодно. Сейчас мы все в

поезде, который вот-вот тронется на Западный берег. У окон вагона жены, подруги и невесты, последние рукопожатия и поцелуи. Оркестр Форт-Райли играет национальный гимн, везде колышущиеся флаги. Как в кино, только на этот раз я не платил за билет. Надеюсь, что останусь жив, когда будут подсчитывать, кто уцелел из отправляемых сегодня. Вчера разговаривал с отцом по междугородному. Разговор был коротким. Он сказал мне не забывать о том, что по возвращении надо снова поступать в колледж. Ну что ж, может быть, и поступлю. Жалею, что валял дурака раньше. Если бы не валял, то, может быть, сейчас учился, вместо того чтобы ехать во Вьетнам. Правда, зато весело провел время.

14 декабря 1966 года

Проводник говорит, что мы проезжаем через Неваду. По-моему, местность очень похожа на пустыню Сахару. Мой друг по купе Таббс восхищен поездкой. Кажется, он никогда до этого не ездил в поездах. Все время смотрит в окно и улыбается всему, что видит. Очень симпатичный негр и, кажется, умный. Мне он нравится. Мы, наверное, подружимся.

Ча-Ча в хвосте поезда, через семь вагонов от нашего. Я встречаю его, когда он шатаясь идет в вагон-ресторан на обед. Он прихватил с собой бутылку рому и поэтому всегда на взводе и очень весел.

15 декабря 1966 года

Через десять часов будем ехать по территории Окленда. Красивая местность на всем пути налезающие один на другой холмы, широченные прерии, а теперь вот Калифорнийская возвышенность.

Таббс испытал такое же отношение к себе белых сержантов и офицеров. Все темнокожие в нашем поезде рассказывают о том, как им доставалось, как их назначали на самые грязные работы, как запугивали. Я не склонен симпатизировать большинству из них - они не отвечали на это так, как мы. Некоторые из них подлизы, но даже и это не помогло им получить звание. Таббс - единственный из темнокожих, получивший звание. Несмотря на его ум и умение кланяться и угождать, он лишь сержант.

Мне никогда не приходило в голову, что армия - это очень сложный механизм. Сколько получается неувязок и недоразумений, когда необходимо перебросить из страны в страну семнадцать тысяч человек. Для переброски только половины нашей дивизии и оружия во Вьетнам потребуется четыре месяца. Еще четыре месяца потребуются для сбора и подготовки частей к боевым действиям. Я нисколько не жалею, что меня переводят в другую часть. Часть, в которой я был, может

воевать только с птичками. Я не нравлюсь высокому начальству, и командир роты не присвоил мне звание. Ну и черт с ними!

Позднее

Мы едем по территории Окленда; местность напоминает покинутую верфь. Кто-то сказал, что на переход океаном потребуется двадцать восемь дней. Будет довольно романтично: тысяча человек в открытом море почти целый месяц. Чепуха!

Часть вторая: бои

16 декабря 1966 года

На борту "Пэтча"

Сегодня утром прибыли на пароход. Нас распределили по помещениям и каждому указали койку. По тем или иным причинам многие ребята стали нервными и даже истеричными. Оскорбляют друг друга, кричат. Некоторые даже подрались. Нас напихали сюда как сельдей в бочку. Предстоит мучительный переход через океан. Воздуха в помещениях недостаточно, стоит ужасная вонь. Койки в четыре яруса, по десять штук от борта до борта.

7 декабря 1966 года

Кажется, мы готовы отплыть. На этом пароходе разместили почти всю первую бригаду. Моральное состояние солдат низкое, а мы ведь еще только начинаем свой путь. Офицеры занимают удобные каюты на верхних палубах. Как же, им нужен отдых, они ведь будут выполнять самую "тяжелую" и "грязную" работу.

18 декабря 1966 года

Уже вышли в море, в помещениях невыносимая вонь. Многих тошнит, и мы чуть ли не плаваем в этом отвратительном месиве. Большинство ребят впервые в открытом море и качку переносят плохо. На меня качка не влияет. Я уже два раза пересекал океан на пароходе и никогда не пропускал ни одного приема пищи.

Всего на пароходе более 2500 человек. Чистоту поддерживать почти невозможно. В наряд на кухню ставят через два дня на третий, но меня, слава богу, не назначают. Поскольку я пойду в другую часть, меня в списке нет и обо мне не вспоминают. Говорят, работать на кухне очень тяжело: с трех утра и до девяти вечера. Столько часов и все время на ногах, да еще палуба под тобой ходуном ходит. Чтобы покормить всех три раза в день, пищу надо готовить непрерывно. Кончается завтрак, надо начинать готовить обед, не успеют пообедать, готовь ужин.

Встретил многих ребят, с которыми проходил начальную подготовку. Вспоминали холодные дни, которые провели в эту же пору прошлого года в Канзасе. Видел ротного писаря из Райли, говорит, что приказ о моем назначении в другую часть пришел еще там, в Райли, но я не знал о нем тогда, потому что был в футбольной команде. Меня рекомендовал командир отделения. Я благодарен ему. Наш взвод мне очень не нравился.

20 декабря 1966 года

Море сегодня прекрасное, хотя и бурное. Волны набегают на пароход, разбиваются и медленно катятся в неизвестность. Смотришь на них, и все кругом кажется бесконечным. У нас и здесь, на пароходе, эти проклятые и скучнейшие занятия: нам читают материалы по Вьетнаму и боевым действиям на его территории. Впрочем, занятия - это даже неплохо. Без них уж очень много времени для размышлений. У многих ребят

подавленное настроение; скучают по дому. Одни играют в карты, другие отсыпаются, третьи пишут письма домой.

Сегодня утром встретил Ча-Ча. Он стоял на верхней палубе и сосредоточенно смотрел на море. Он грустит, потому что не попал домой на свадьбу сестры. Говорит, что его мать страшно переживает за него, боится, что его убьют. Сказал, что он ничего и никогда в жизни не боялся, а теперь вот боится, предчувствуя, что с ним что-то случится. Я промолчал. Уверен, что моя мать так же переживает за меня.

22 декабря 1966 года

По мере продвижения парохода на юг становится теплее. Большей частью лежу на койке и иногда мечтаю о Марии Анн, о семье, о хорошо проведенном времени дома. Кажется, что все это было очень давно. Воспоминания о всем прожитом и пережитом иногда бросают в дрожь. Практически ты еще и еще раз повторяешь себе, что к старому возврата нет и не будет. Иногда я пытаюсь не вспоминать о хорошем в прошлом, а мечтать о хорошем в будущем, после того, как вернусь из армии. Удается не без труда, потому что это явная попытка одурачить самого себя. Если мне суждено погибнуть, надеюсь, что смерть не будет заигрывать со мной. Хочу, чтобы она была мгновенной. Мне совсем незачем знать, как это произойдет. Чертовщина! Зачем такие мысли? Я должен вернуться живым. Жизнь слишком хороша, и я хочу жить.

25 декабря 1966 года

Сегодня рождество. Но, судя по настроению людей, никто не сказал бы этого. Все сознают, что с каждым часом мы ближе и ближе к Вьетнаму. На пароходе необычайно тихо. Изредка на горизонте появляются или другие суда, или какой-нибудь островок. Мне кажется, что по мере приближения к Вьетнаму растет моя уверенность в себе. Трудно объяснить, но тем не менее это так.

Есть ребята, которые ждут Вьетнама с нетерпением. Вот, например, Ашворт: он уже мечтает о вьетнамских женщинах. Но есть и такие, как, например, Йост, которые сидят целыми часами и не говорят ни слова. Всем ясно, что он боится, и все знают, чего именно он боится. Все это, по-моему, зависит от индивидуальных качеств человека,

30 декабря 1966 года

Вьетнам все ближе и ближе. Ребята настолько молчаливы, что хорошо слышно, как скрипит "Пэтч". Некоторых ребят иногда "прорывает", и они начинают шуметь, но на них никто не обращает внимания. Это из-за страха, и все мы хорошо понимаем это. Покричав немного, парень замолкает, успокаивается и

чувствует себя лучше.

Завтра должны отправить письма. Бог его знает, когда представится такая возможность после того, как мы сойдем с парохода.

Иногда я устремляю взгляд за горизонт, через Тихий океан, и с ужасом думаю; все хорошее осталось там, на другой стороне. От дома меня отделяют необъятные океанские просторы и время.

31 декабря 1966 года

Канун Нового года. Кто-то попытался запеть "Старые добрые времена", но слова этой песни знают лишь немногие. Капитан судна поздравил нас, дав сигнал сиреной. Некоторые ребята открыли припрятанные на этот день бутылки, но настоящего праздника все равно не было. Времени около часу, а уже не слышно почти ни одного звука, за исключением храпа людей и скрипа "Пэтча". Все это легко понять. Любому из нас этот Новый год не сулит никакого счастья.

1 января 1967 года

Около пяти часов утра капитан судна объявил по трансляционной сети, что с правого борта виден Вьетнам. После объявления воцарилась гнетущая тишина: упади булавка на палубу - было бы слышно. Мы стояли у борта и смотрели на землю, которая станет нашим "домом" в течение следующих двенадцати месяцев. Идти осталось совсем недолго.

2 января 1967 года

Встали на якорь вблизи берега. Почему мы встали на якорь, а не подошли к берегу, никто не знает, но это и не интересует никого. Я, например, вовсе не тороплюсь. Готовимся к высадке, и опять начались путаница и неразбериха. Мне, откровенно говоря, немного страшновато.

3 января 1967 года

Вьетнам

Сегодня нас перевезли на берег на десантно-высадочных средствах. На берег вышли с полным снаряжением, с винтовками М-16 и шестью патронными обоймами на человека, готовые в любую минуту открыть огонь. Я, как и многие другие, часто бегал в уборную. Хотел увидеть Ча-Ча и Ашворта, но не смог разыскать их в толпе. Когда наконец все разобрались по подразделениям, нас повезли в базовый лагерь в Зулу. Было жарко и пыльно, но мы больше думали о "чарли", чем о жаре. Ехали на грузовых машинах по шоссе № 15, винтовки у всех были заряжены. Нас везли две сотни грузовиков и несколько "джипов". Деревни, через которые мы проезжали, выглядят очень бедными. Люди моются прямо на улице, а ребятишки бегут за машинами и выпрашивают что-нибудь съестное.

После того как мы проехали несколько миль по шоссе, к нам в качестве охраны присоединилась целая рота бронетранспортеров. Увидев эти машины с ощетинившимися пушками, мы почувствовали себя намного спокойнее. Шоссе охранялось на всем протяжении. Нам встретились на пути 173-й полк воздушнодесантных войск и 137-й австралийский полк. Оба полка произвели на нас хорошее впечатление,

6 января 1967 года

Сегодня прибыл в свое новое подразделение - пятую роту первого мотопехотного батальона. Эта рота бронетранспортеров, всего около двадцати пяти машин, часть той группы, которая охраняла нас на шоссе. Когда я прибыл, рота находилась на боевом задании. Не найдя никого, кому можно было бы доложиться, я нашел укромное местечко и завалился спать.

Я в четвертом взводе, состоящем из трех минометных транспортеров и одного транспортера управления огнем.

Здесь очень жарко и сухо. Мы находимся восточнее Сайгона, недалеко от дельты реки Меконг. Часть нашей дивизии направляется к самой дельте. Говорят, что позиции вьетконговцев здесь наиболее сильные. Наши бронетранспортеры должны находиться на возвышенной местности, поэтому мы остались здесь.

7 января 1967 года

Я буду радиотелефонистом у второго лейтенанта Олдена, на бронетранспортере управления огнем. В мои обязанности входит также водить "джип" лейтенанта, что освобождает меня от несения нарядов. Так что мне совсем неплохо. Мы должны находиться в постоянной готовности к передвижению и оказанию совместно с авиацией поддержки пехоте. Это не очень-то приятно. Говорят, что пехота почти всегда просит поддержки. Ребята в нашем взводе, кажется, неплохие, советуют и помогают мне. Интересно, будет ли такое отношение постоянным? Завтра впервые буду участвовать в боевом задании.

8 января 1967 года

Наше подразделение хорошо сплочено. Сегодня кому-то показалось, что к нашей базе продвигаются солдаты противника. Пехота попросила поддержки. Командир приказал нам оказать эту поддержку. Мы срочно выехали. Бронетранспортеры буквально засыпали джунгли минами и снарядами. Стоял ужасный грохот и вой, мне было очень страшно. Если в джунглях кто-нибудь был, от него осталось только мокрое место. Мы провели быстрый поиск, но никого не обнаружили. Возможно, вся эта тревога была ложной.

9 января 1967 года

Сегодня выехали на первую операцию - поиск противника и прочесывание местности. Операция продлится десять дней. Мы будем искать вьетконговцев, склады оружия и документы противника. Иногда в этот период будем охранять шоссе № 15 - главную магистраль из дельты реки Меконг в Сайгон. Погода жаркая, высокая влажность. Я все больше и больше узнаю товарищей по бронетранспортеру. Нас шестеро: Сциосция и Зерман - из Нью-Йорка; Кристенсен - водитель нашего транспортера - негр из Коннектикута; лейтенант Олден и сержант Гоулас. Все они, кажется, компанейские ребята, и мне с ними неплохо. Мы выполняем свои обязанности попеременно, так, чтобы каждый мог заменить другого. Я сейчас принимаю данные от передового наблюдателя и обрабатываю их для получения углов горизонтальной и вертикальной наводки. Бронетранспортер управления огнем - это мозг взвода бронетранспортеров, а передовые наблюдатели - его глаза. Кроме того, в моем ведении радиостанция, я принимаю донесения и передаю приказания. Зерман работает с картой. Сциосция выполняет обязанности наблюдателя и охраняющего. Лейтенант Олден и сержант Гоудас большей частью спят. Таким образом, мы - это большая и счастливая семья. В этой бронированной машине чувствуешь себя в безопасности. Ходит она быстро, кругом тебя четыре бронированные стены и мощные 50- и 60-миллиметровые пушки. Когда из них стреляем, в машине ужасный грохот.

11 января 1967 года

Пока никаких серьезных боев не было. Захватили двух вьетконговцев. Это дети, не старше пятнадцати-шестнадцати лет, маленькие ростом и очень худые кожа да кости. Если они представляют тех, с кем мы воюем, то совершенно непонятно, почему война длится так долго.

Наши машины поднимают ужасную пыль. После одного дня езды Кристенсен и я превратились в белых.

Сегодня мы уничтожили несколько домиков, так как подозревали, что они принадлежат вьетконговцам. К ним подошли огнеметные бронетранспортеры и примерно с пятидесяти метров подожгли их напалмом. Странная война! В течение двух дней мы ищем и уничтожаем. На следующий день мы останавливаемся вблизи города и окапываемся.

По нашим позициям стреляют снайперы. Вынуждены убраться.

12 января 1967 года

Сегодня наткнулись на две роты "чарли", но они сумели уйти от нас. Они не любят наши бронетранспортеры и 50-миллиметровые пушки. Мне от этого только лучше. Пусть

убегают. Мне вовсе не требуется догонять их. Мы ведем поиск почти весь день, поэтому на отдых времени почти нет. С наступлением темноты мы останавливаемся и окапываемся. Иногда еду нам доставляют на грузовике или на вертолете, по большей частью питаемся боевыми пайками.

Мы проводим крупную операцию; в ней участвует около тысячи человек, артиллерия, пехота и истребительная авиация. "Чарли" довольно трудно обнаружить, но когда нам удается это, они стоят насмерть, а мы открываем ураганный огонь. Все стремятся к одному: убить как можно больше. Я не испытываю того страха, которого ожидал. Единственное мое желание - чтобы все закончилось как можно скорее. Мне уже надоело промокать по ночам, а днем находиться в невыносимой жаре и пылище. Наши машины поднимают тучи пыли, а лица обрастают слоем грязи.

Ребята на пашем бронетранспортере - странное сочетание людей, но все они знают свое дело. Сциосция все время говорит о своей девушке, матери и о доме. Зерман не дает покоя разговорами о том, как учился в колледже, что он и другие ребята проделывали в студенческом общежитии или на студенческих курсовых балах. Кристенсен ничем не интересуется и ничего не признает, кроме своих обязанностей водителя. Я один среди них новичок, но этот батальон перевели сюда всего за десять дней до моего прибытия, поэтому они еще не приобрели большого боевого опыта. Если у нас и возникнет какая-нибудь проблема, то только из-за лейтенанта Олдена или сержанта Гоуласа. Они тоже знают свое дело, но ленивы как черти. Гоулас перекладывает большую часть своих обязанностей на Кристенсена и на меня.

Отдыхаем мы очень мало, потому что все двадцать четыре часа должны вести наблюдение. У нас только одна смена белья, поэтому мы ужасно грязные.

13 января 1967 года

До сих пор голова трещит от шума и грохота прошлой ночью. Мы получили данные для обстрела вьетконговской деревни. Все наши транспортеры открыли беспокоящий огонь по лесной полосе. Если там были "чарли", им здорово досталось.

Еще одиннадцать месяцев такой войны. Интересно, как там мои старики дома? Давно не получал от них известий. Писем здесь много не получишь. А они помогают держаться. Единственные хорошие моменты - это когда въезжаем в какую-нибудь деревню на отдых. В некоторых деревнях народ относится к нам хорошо до тех пор, пока дело не испортит какой-нибудь сержант. Они любят задирать и запугивать солдат, особенно нас, негров, когда мы разговариваем с какой-нибудь симпатичной

вьетнамской девушкой. Один сержант, его фамилия Паулсон, послал меня чистить уборную, потому что видел, как я болтал с двумя молоденькими вьетнамками. Никого из занимающих ту же должность, что и я, никогда но назначают на такие работы, а меня назначили.

14 января 1967 года

Никогда не забуду прошлую ночь. Кристенсен и я были в охранении на переднем крае круговой обороны. Было около одиннадцати часов вечера, я еле удерживался, чтобы не заснуть около нашего окопчика. Неожиданно Кристенсен выскочил из окопа и с размаху натолкнулся на меня. Я чуть в штаны не навалил. Одновременно я почувствовал, как что-то прокатилось по моей ноге и скрылось в кустах. "Слушай, - прошептал Кристенсен, - там "чарли"!" Мы применили все, что у нас было: гранаты, пулемет - все так называемое личное оружие. Если в кустах кто-нибудь был, мы наверняка убили его.

Я позвонил по телефону сержанту Паулсону, но он сказал мне: "Плохо, что так вышло. Разуй глаза, обуй нос. В темноте никто не будет бегать, это вам просто показалось".

Мы долго еще ждали рассвета, а когда наконец рассвело, пошли искать тела убитых, но обнаружили лишь обгоревшую траву и кусты. Позднее ребята зло смеялись над нами. Теперь все надолго запомнят это. Я подсчитал, мы напрасно израсходовали семь гранат и сто пятьдесят патронов.

Мой командир говорит, что даст мне дробовик. Говорит, что только из него я во что-нибудь попаду. Я не возражаю, пусть меня считают плохим стрелком, лишь бы ноги не отказывали, когда приходится отступать.

16 января 1967 года

Дядя Сэм каждый день присылает благотворительные посылки со сладостями, сигаретами и другими мелочами. Этими вещами нас снабжают хорошо. Иногда, в периоды затишья, совсем не похоже, что мы на войне, больше похоже на какие-то длительные каникулы. "Чарли" не дураки, они избегают встреч с нашими бронетранспортерами, когда мы выезжаем на боевое задание.

Страна действительно очень бедная. Где бы мы ни оказались, везде стоящие на коленях а выпрашивающие подаяние вьетнамцы. Некоторые белые солдаты устраивают из этого своеобразную забаву. Когда мы едем по дороге, на ней всегда собираются толпы голодных ребятишек. Кто-нибудь бросает на дорогу кусок хлеба, и ребятишки устремляются к нему, как стая голодных волков. Часто того или другого из них зацепляет транспортер, а многие получают травмы в драке за хлеб. Жуткая картина. Негры никогда

не участвуют в таких делах.

Некоторые офицеры покупают обезьянок в качестве талисмана, приносящего счастье. Я берегу деньги на шотландское виски. Этот напиток помогает, когда ты начинаешь почему-нибудь нервничать. Четвертую роту, в которой я был раньше, прошлой ночью здорово потрепали. Я не удивлен. Ребята в этой роте дураки как на подбор. Надеюсь, что Ча-Ча и Ашворт остались живы. Говорят, противник напал на эту роту во время учения, когда у солдат не было боеприпасов. До чего же глупо они поступили. Здесь ведь нельзя шагу шагнуть без оружия. Когда мы участвовали на прошлой неделе в учении, у нас на каждую винтовку было по две тысячи патронов. В нашем подразделении каждый надеется благополучно вернуться домой.

18 января 1967 года

Надо же так получиться! Мы проводили учебную операцию "Ларедо", по крайней мере, нам так объявили. Фактически же это "учение" прошло с живыми вьетконговцами и применением боевого оружия. Очередное небольшое "недоразумение".

Сейчас возвращаемся в Зулу, это очень хорошо. Здесь ведь каска - твой умывальник и ванна, а спишь только в транспортере. Завтра будет горячая пища, душ и чистое белье. Отлично!

Согласно полученному сегодня приказу 21-го наш батальон отправится в район дельты реки Меконг. Странно. Нам все время говорили, что наши бронетранспортеры там бесполезны. Впрочем, после напрасного двухдневного отсиживания в окопах командование, наверное, считает, что мы везде бесполезны.

Начинаю понемногу узнавать ребят взвода. Многие из них ньюйоркцы, то есть самые худшие солдаты в армии. Но зато у нас есть общая тема для разговора - ньюйоркская подземка и статуя Свободы. Во взводе один негр, с которым я познакомился во время начальной подготовки. Его фамилия Акерс. Он артиллерист в третьем взводе. Это низкорослый, коренастый, очень темный негр с большими печальными глазами. Но у него очень развито чувство юмора. Вьетнамская девочка спросила его, почему он такой темный. Он ответил: "О деточка, я человек специальный. Я - ночной истребитель. Никакой вьетконговец не обнаружит меня в темноте".

19 января 1967 года

Теперь уже точно известно; мы поедем к дельте. Выезжаем завтра, рано утром, поэтому сегодня каждый старается отоспаться.

20 января 1967 года

Тяжелый денек. Собрались на рассвете, но не трогались с места до одиннадцати утра. По дороге включились в охранение

перебрасываемых частей. Говорят, что до места назначения ехать около двух дней. Сегодня мы доехали только до Сайгона, около двенадцати миль. Народ здесь живет немного лучше. Спать ложимся рано. Завтра опять трудный день. Ребята передают друг другу разные слухи: на нашем пути возможны засады вьетконговцев; в район дельты Меконга стягивают много тысяч войск; высшее командование, возможно, перейдет туда же и тому подобное. Что из этого соответствует действительности, а что нет - никто не знает. Если противник устраивает для нас засады, то он должен располагать крупными силами - нас слишком много. Огневая мощь наших частей такова, что можно превратить в развалины весь этот район.

22 января 1967 года

Вчера поздно вечером прибыли на место - в городок Май-Тхо, около тридцати миль юго-западнее Сайгона. Он расположен на берегу широкой реки. Отдыхаем. Если бы вы знали, что это за местность! Сплошные болота, непроходимые джунгли, грязь и тучи москитов! Наша главная база Сиерра расположилась на огромном осушенном и засыпанном песком рисовом поле. Слой песка, по-моему, около шести футов. Это, конечно, лучше, чем болото. Наша часть прибыла сюда второй. Говорят, что противник располагает здесь двумя полками, но пока он себя никак не проявляет. Остальная часть нашей дивизии прибудет к концу месяца. Мы рады, что они прибудут, так как район нам не знаком, да и транспортеры паши продвигаются здесь с трудом.

24 января 1967 года

Местность здесь такова, что действовать может только пехота, поэтому, я думаю, что мы скоро уйдем отсюда. К нам прислали майора с задачей определить возможность боевого использования бронетранспортеров. Пока все машины застревают в грязи, поэтому я представляю себе, каков будет его доклад по этому вопросу.

Здесь очень жарко и сыро. Я заключил сделку с сержантом из столовой: буду снабжать его фотопленкой, а он разрешил мне за это держать свои пленки в холодильнике. Отец присылает мне пленок больше, чем я могу использовать.

28 января 1967 года

Последние два дня мы были очень заняты: выполняли две огневые задачи по обстрелу вьетконговцев. Но вместо противника чуть не послали на тот свет отделение своих солдат. Наш минометный залп лег в сорока метрах от них. Их передовой наблюдатель попросил огневой поддержки, и через несколько минут после этого они оказались в большей опасности от огня своих батарей, чем от обстрела противника. Кто-то допустил

ошибку в расчетах.

По радио только что сообщили потрясающую новость. Сегодня утром погибли три космонавта. Мы ошеломлены. Несколько раньше два наших солдата наткнулись на мину и погибли. От них почти ничего не осталось, что можно было бы послать в США. Кругом смерть. Я с радостью сбежал бы отсюда, но надо выполнять свои обязанности. Нам говорят, что это наша святая обязанность, но я ведь знаю далеко не все, и никто толком не объясняет нам, почему мы здесь, по крайней мере никто но объясняет так, чтобы это было понятно. Иногда меня одолевают сомнения - то ли мы помогаем вьетнамскому народу, то ли приносим ему горе и причиняем ущерб. Если вы не видели нищеты - приезжайте во Вьетнам.

Гриссом, Уайт и Чаффи заслуживают большого уважения. Они наверняка должны были знать о том, что им, возможно, придется принести себя в жертву.

29 января 1967 года

Воскресенье. "Чарли" где-то поблизости, и мы знаем об этом. Противник заставляет нас быть начеку все двадцать четыре часа.

Управление огнем - сложное дело. Я сижу у минометного счетно-вычислительного устройства и определяю дистанцию стрельбы на планшете. Передовой наблюдатель сообщает азимут и координаты по карте, потом корректирует нашу стрельбу, пока мы не накрываем цель. Иногда мне очень страшно. Неприятно сознавать, что от тебя зависит чья-то жизнь. Предполагается, что ты должен мыслить в такие моменты математическими категориями, но я не очень-то способен на это. Кроме того, минометы неточное оружие. Большой угол возвышения минометов способствует тому, что на летящую мину действует множество непостоянных величин, таких, например, как сила и направление ветра. Я все время молюсь, чтобы не допустить ошибку. Старший оператор счетно-вычислительного устройства Зерман - хороший парень. Он многому научил меня и уверен в моих способностях. Единственное, что хорошо - мои обязанности ограждают меня от выходов на боевые задания с пехотными крысами.

Сегодня получил письмо от Марии Анн. Хочет, чтобы после увольнения из армии я поехал в Швецию. Будет неплохо, конечно, если я останусь жив. Говорят, что 21 февраля мы будем участвовать в большой операции. Теперь мы уже приобрели кое-какой боевой опыт и готовы к такой операции.

31 января 1967 года

Работа передового наблюдателя одна из самых трудных и беспокойных. Ему приходится чаще других участвовать в

патрулировании районов, потому что в каждом патрулирующем отделении должен быть наблюдатель, а у нас всего три передовых наблюдателя на шесть отделений. Условия для него неблагоприятные. Назначением на эту работу ведает сержант Паулсон. Пока он выбирает только негров и пуэрториканцев. По-моему, он хочет что-то доказать нам. Он всегда очень сердито смотрит на меня, когда я сижу у счетно-вычислительного устройства. Как только он появляется поблизости, меня охватывает чувство сожаления, что я не родился белым. Сволочное положение. Если бы только негры и пуэрториканцы могли рассказать миру, как к ним относятся в этой проклятой армии! Все самое трудное и самое плохое достается нам.

2 февраля 1967 года

Недавно я вдоволь насмеялся. Когда позавчера я нес вахту у радиостанции, сержант Паулсон задумал подкрасться в палатку, чтобы застать меня спящим. Я услышал, как он крадется, и выглянул из палатки. Паулсон как полз по земле, так и застыл. Я понял, что он хотел поймать меня, и не удержался, чтобы громко не расхохотаться. Паулсон был настолько посрамлен, что ему ничего не оставалось, как встать и уйти прочь. Ну и сволочь же он. Всегда говорит мне, что негры лентяи, не хотят помогать друг другу и тому подобную чепуху. Я сказал ему, что он дурак.

Все белые здесь такие. Но я все же думаю, что теперь кое-что изменится. Особенно здесь, где каждый хочет выжить. Однако для "господина Белого" это, кажется, не имеет никакого значения. Все негры во взводе начинают жаловаться и роптать, но, по-моему, недостаточно. Командир взвода лейтенант Олден обычно зовет нас, негров: "Эй, вы". Зерман, этот еврей из Нью-Йорка, кажется, тоже недоволен этим, но ему и самому нелегко. Сержант Гоулас поворачивает, куда ветер дует. Иногда он поступает по-человечески. Но бывает, что он относится к нам, неграм, как к грязным животным. Что за чертовщина! Может быть, на него давят?

Еще десять месяцев этой сволочной службы. Эти белые изводят меня больше, чем "чарли". Я многое усвоил здесь. Белые хорошие "преподаватели".

7 февраля 1967 года

Зловещее предзнаменование: Паулсон говорит, что я обрабатываю данные для стрельбы недостаточно быстро. Надо готовиться к службе не на транспортере.

9 февраля 1967 года

Полетел со своего хорошего места на бронетранспортере. Прекрасный сержант Паулсон нанес еще один удар. Он сообщил мне эту новость с улыбкой. Теперь я - передовой наблюдатель

Паркс, приписанный к бронетранспортеру управления огнем первого взвода. При выполнении боевой задачи наш взвод сходит с бронетранспортера и преследует "чарли" пешим способом. Я должен нести на себе проклятую радиотелефонную станцию с антенной, которая представляет собой отличную цель для противника. Эти обязанности должен выполнять сержант, но Паулсон и не думает повышать меня. Сволочь он поганая.

12 февраля 1967 года

Это патрулирование на передовой линии действительно опасное дело. Тут надо быть смелым и выносливым. Вчера нам пришлось пройти шесть километров по рисовым полям. Я чертовски намучился, но зато потерял немного в весе - это хорошо. Прошлые две недели наша рота была придана пехотному батальону. Плохо, когда нас придают кому-нибудь, потому что с нами делают все, что им вздумается. Пехотный командир страшно не любит механизированные группы. Он заставляет нас вылезать из бронетранспортеров по самым незначительным предлогам. Мы выполняли всего два боевых задания, а устали как черти. Сегодня прибыла остальная часть нашего батальона, она сменит нас, и мы немного отдохнем.

Вполне вероятно, что в ближайшее время нас направят на охрану дороги. Это прекрасная работа. Все, что от нас требуется, - это обеспечить безопасное движение по дороге и держать города и селения открытыми. Ходят также слухи, что нас, возможно, направят в район базы Фокстрот для поддержки пехотного батальона. Слухи, слухи и слухи. Армия только ими и живет.

13 февраля 1967 года

Иногда любознательность полезна. Вчера я просто так, чтобы провести время, бродил около ротной канцелярии и разговорился с писарем о том, как вырваться отсюда без того, чтобы попасть на губу или быть отправленным на носилках. Он разыскал какое-то наставление, и мы нашли в нем статью, в которой говорится: "Если солдату осталось служить менее девяноста дней и если он принят официально признанным колледжем, он может быть уволен раньше, так, чтобы начать занятия со своим классом". В качестве доказательства требуется всего-навсего письмо о приеме. Стало быть, мне нужен такой колледж, который написал бы письмо о том, что я принят. Сообщил об этом отцу.

15 февраля 1967 года

Сегодня был вынужден несколько раз укрываться от свистящих пуль. И это не так уж просто. Мы были в маленьком городке, недалеко от Май-Тхо. Я создал себе репутацию героя тем, что немного пострелял по вьетконговским снайперам. Познакомился с хорошенькой девушкой. Она обещает каждую

неделю стирать мое белье. Это неплохо, конечно, но я заплачу ей за это.

18 февраля 1967 года

Слухи оправдались. Мы на базе Фокстрот и снова участвуем в небольших операциях. Здесь тоже трудно. Мы всегда стремимся отогнать "чарли" пораньше, поэтому встаем в четыре тридцать и выезжаем. Когда наши бронетранспортеры движутся в этот ранний час, как какие-то бесформенные звери в предрассветной мгле, становится жутко. Все кругом кажется искаженным.

С началом февраля дождливый сезон здесь прекращается. Сейчас уже жарко и сухо. Дома, наверное, уже навалило много снегу. Хорошо им там. Снег дает пищу для размышлений. Получил очаровательное поздравление с днем святого Валентина и любовное письмо от девушки по имени Диди. Я ее не знаю. Мой адрес дал ей отец.

19 февраля 1967 года

Недавно у нас убило несколько человек, главным образом пулями снайперов. Большинство жертв - результат неосмотрительности самих ребят. Не удосуживались укрываться в небезопасных районах. Таких, которые соблюдали бы эту предосторожность во всех случаях, у нас нет, но я по крайней мере стремлюсь к этому.

Я не пренебрегаю опытом, полученным в течение последних двух месяцев. Здесь всегда надо быть начеку. Позавчера, когда над головой свистели пули, я очень боялся, но сдержал свои чувства. Я только один раз вылез из укрытия без надобности. На мое счастье, "чарли" не ожидали в эту минуту появления цели. Больше я такой оплошности не допущу.

Пока мы выезжаем из лагеря только для проведения дневных операций, на ночь возвращаемся на базу. Но я слышал, что подготавливается крупная операция южнее Сайгона и мы не возвратимся на базу в течение нескольких дней, а может быть, и недель.

22 февраля 1967 года

Сегодня около двух часов ночи противник атаковал деревню в нескольких милях от базы. Мы быстро сели в машины и выехали, стреляя во все стороны. Но противник ожидал нас и открыл сильный ответный огонь. Некоторое время положение было напряженным. "Чарли" упорно сопротивлялись и продолжали нажимать на нас, несмотря на то что с нашей стороны против них действовало около тридцати машин. Кругом свистели снаряды, мины и пули. Шум стоял невероятный. Каждый выкрикивал какие-то приказания, которые никто не выполнял. Визжа и плача, бежали вьетнамские жители, они то и дело падали

на землю, пытаясь прикрыть собой своих детей. Некоторые вьетнамцы собирались в группы и протягивали руки к небесам в безмолвной молитве. Я большую часть времени разговаривал по радиотелефону с бронетранспортером управления огнем. Потом нашего белого артиллериста ранило в руку. Я заменил его у орудия и начал стрелять по дереву, на котором сидели три снайпера. Должно быть, я попал в них, оттуда больше не стреляли. Это показалось мне даже забавным, но только после того, как стрельба прекратилась. Вся эта кутерьма продолжалась около получаса, но мне показалось, что прошел целый год.

24 февраля 1967 года

Вчера была еще одна операция по прочесыванию местности. Мы вели поиск в лесной полосе, в которой оказалась вьетконговская деревушка. "Чарли" поблизости не было, но в деревне остались семьи солдат противника, поэтому обстрел деревни минометами оказался невозможным. Было очень жарко, а нам пришлось много ходить пешком, так как пробираться на бронетранспортерах было невозможно. Когда мы прочесывали деревню с заряженными винтовками, дети бежали к своим матерям и плача цеплялись за них. У меня больше нет терпения ждать, когда прекратится эта кровавая война. Время тянется очень медленно. Каждый день мы выезжаем на поиск, чтобы убивать и убивать. Если мы никого не находим и не убиваем, наступает разочарование. Смерть, которую я повседневно наблюдаю, ужасна. Надеюсь, что со временем это выветрится из моей памяти.

26 февраля 1967 года

Товарищи по моему новому бронетранспортеру, кажется, неплохие ребята, за исключением, пожалуй, сержанта Янга. Лейтенант Вайет и водитель Слепиан славные ребята. В нашем экипаже еще два негра: Гёрни из Луисвилла и сержант Имори. Имори учит меня обязанностям второго передового наблюдателя. Трех других ребят - Сачса, Гринфилда и Хикмэна - я как следует еще не знаю. Сачс и Гринфилд просто приписаны к нашему транспортеру, потому что тот, на котором они были, вышел из строя. Всем нам довольно тесно здесь.

27 февраля 1967 года

Сегодня утром обнаружили еще одну вьетконговскую деревушку, скрытую за лесной полосой. Противник ушел из нее, захватив все, что было возможно: семьи, домашний скот, вещи. "Чарли" хитер, однако. Поскольку солдаты противника, возможно, спрятались где-нибудь, мы все обстреляли и разрушили: подземные ходы сообщения, окопы, дома. От нашего обстрела дрожала земля. Все это было похоже на карнавал сумасшедших:

кругом летает шрапнель, бьют струи огнеметов, горят постройки, с пронзительным криком улетают птицы. Акерс чуть не подстрелил меня. У него заело затвор винтовки в положении "автомат", он повернулся ко мне. Я едва успел броситься на землю. Хорошо еще, что у него кончились патроны. Трудно сказать, кто больше испугался: он или я.

Когда мы отходили из этого района, один наш бронетранспортер наткнулся на мину. В тот момент мой транспортер находился справа, в каких-нибудь пятнадцати метрах. Страшно было видеть, как это огромное чудовище подскочило в воздух и развалилось на части. Но самое удивительное - никого из экипажа транспортера не убило.

Я живу в одной палатке с сержантом Имори. Он все время тревожится о своей жене, от которой не имеет известий вот уже три месяца. Он говорит, что она не может писать часто, потому что не умеет. Письма за нее пишут соседи. Надеюсь, что он скоро получит весточку. Мне очень жалко его. Тяжело и грустно, когда долго не получаешь писем. Некоторым ребятам приходят целые пачки. А те, кто не получил ни одного, ходят с печальными лицами. Если бы только люди там, дома, знали, как несколько строк от них поднимают настроение, мгновенно меняют наше состояние. Сегодня мне прямо хоть избегай Имори. Он не получил ничего, а у меня письма от Марии Анн, от Зигги, матери, пакет шоколадных брикетов с орехами и еще одно поздравление от Диди. Она пишет замечательно. Надеюсь, Диди вскоре пришлет мне свою фотографию. Мне досталось только два брикетика. Окружившие меня ребята сразу же все проглотили. Я не возражал. Так происходит со всеми, кто имеет глупость открывать посылку со сладостями у всех на глазах.

1 марта 1967 года

Мне кажется, я начинаю понемногу привыкать к смерти. Сегодня утром мы увидели человека лет сорока, когда патрулировали с подразделением южновьетнамской армии. Он сидел в лесу. Южновьетнамский сержант заподозрил, что это вьетконговец, и начал задавать ему вопросы, но человек вскочил и попытался бежать. Южновьетнамский сержант расстрелял его из карабина. По-моему, он даже не крикнул тому человеку остановиться.

Карабин - довольно точное оружие. Через несколько секунд внутренности сраженного выстрелами человека стали вываливаться в грязь на землю, обе его ноги буквально отсекло пулями. Все это было так ужасно, что я не мог пошевелить пальцем. Южновьетнамские солдаты - это какие-то безумцы, жизнь человека для них ничего не стоит. Наверное, это потому,

что они долгое время находятся на войне. Когда несколько минут спустя я как ни в чем но бывало ел консервы из боевого пайка, у меня мелькнула мысль, что такое же могут сделать и со мной. Тем не менее я съел всю банку.

2 марта 1967 года

Прошлой ночью нас впервые атаковали минами. "Чарли" дали по нашему лагерю около пятнадцати залпов. Каждый залп нашел свою цель. Когда разорвалась первая мина, я спал. Земля содрогнулась от взрыва, я как ужаленный бросился на землю, а в это время кто-то кричал: "Нас обстреливают!" То в одном, то в другом месте на базе взрывались мины. Я весь покрылся холодным потом и молил бога, чтобы все они миновали меня. Шрапнель свистела над нашим бункером, а я, не в силах сдержать себя, дрожал от страха, как желе. Сначала раздавался вой, потом сухой звук взрыва, затем свист рассекающих воздух стальных осколков. Единственное, что мы могли сделать, это открыть ответный огонь из 50-миллиметровых орудий и личного оружия. Это были самые страшные десять минут моей жизни.

Через пятнадцать минут все смолкло и мы облегченно вздохнули. Имори начал даже смеяться, но я был не в состоянии присоединиться к нему. Удивительно, но я довольно скоро после этого снова заснул. Это была первая за десять дней возможность хорошо отдохнуть. Сержант Гоулас из экипажа того транспортера, на котором я был до этого, серьезно ранен. Больше всех пострадал штаб, но мы еще не знаем, сколько там жертв.

Я не уверен, что местное население за нас. Они улыбаются нам днем, а ночью их сыновья обстреливают нас. Очень трудно распознать настоящего противника.

4 марта 1967 года

Сегодня мне исполнилось двадцать три года. Никогда не предполагал, что на двадцать третьем году жизни придется быть в таком отвратительном месте. Я весь пропитан серой жидкой грязью с рисовых полей. Не мылся уже несколько дней. Мы участвовали в операции по поиску противника в районе Тан-Ан, около двадцати миль юго-западнее Сайгона. "Чарли" здесь повсюду. Вчера они обстреляли нас из леса, мы открыли ответный огонь из 50-миллиметровых орудий и убили около сорока солдат противника. Во второй половине дня трупы оказались под солнечными лучами и кругом стояла ужасная вонь. Следующие семь-восемь дней будут горячими для нас.

7 марта 1967 года

Сегодня опять прочесывание местности и поиск противника. Мы обнаружили его, но бронетранспортеры пройти туда не смогли. Мы вылезли из машин около леса, и командир приказал

прочесать его. От страха я все время потел. Наше отделение заняло позицию в домике, находившемся в средней части леса. Остальные отделения роты возвратились к транспортерам, чтобы не дать противнику отойти. Лейтенант Вайет приказал нам остаться на наблюдательном пункте в домике. Мы стали ждать. Я уже начал определять на планшете дистанцию стрельбы, но Вайет увидел в этот момент вьетконговцев и открыл по ним огонь из винтовки М-16. При этом он кричал: "Стреляйте, стреляйте по ним!" Я присел на пол и стал вызывать роту, а "чарли" в этот момент открыли ответный огонь. Слава богу, они стреляли не очень-то метко. Большая часть пуль пролетела у нас над головой. Бронетранспортеры открыли огонь минуты через три, и "чарли" отступили, но мы успели убить двух их солдат. Когда мы подсчитывали убитых, сержант Янг наподдал ногой тело вьетконговца, дабы убедиться, что тот убит. Живым он остаться никак не мог: пули прошили его от головы до пят. Янг попросил у меня нож. Я дал ему нож и увидел, как он отрезал у трупа палец и снял с него золотое кольцо. Я быстро отошел в сторону, даже не дождавшись, пока Янг вернет мой нож. Меня тошнило.

11 марта 1967 года

Дядя Сэм на несколько дней опоздал с подарком ко дню моего рождения, но я получил-таки его сегодня здесь, в госпитале "Пурпурное сердце". 7 марта наш бронетранспортер наскочил на мину. Ранило только меня. Некоторые, правда, получили небольшие ожоги. Мы ехали со скоростью около тридцати миль в час. Я сидел наверху, на задней части машины. Внезапно раздался взрыв, и транспортер подскочил вверх. Потом, помню, меня окутало облако густой пыли и грязи. Я потерял сознание. Когда пришел в себя, то увидел, что лежу на полу транспортера. Меня осматривал со всех сторон Имори и все время спрашивал, как я себя чувствую. Я спросил его, что произошло. Он ответил, что мы наскочили на мину. Потом мое сознание опять затуманилось. Вскоре я почувствовал, что меня поднимают, при этом ужасно болела голова. Я пощупал голову рукой - на ней оказалась шишка величиной с мяч для гольфа. Они повернули мою голову набок, и я почувствовал, как по шее что-то потекло. Это была кровь. Осколок ударил меня в лоб над левым глазом. Все произошло так быстро, что у меня не было времени испугаться. Я благодарил бога, что остался жив.

Во второй половине дня меня отвезли в Сиерру в госпиталь. В ту же ночь "чарли" обстреляли эту базу минами. Я уж подумал, не охотятся ли они персонально за мной. Интересно, сообщает ли командование о таких случаях, как со мной, родственникам? Надеюсь, что нет, ведь такое сообщение только напрасно

встревожило бы их. Я возвращусь в свою часть, по словам доктора, как только приведут в порядок мою голову. Мне надо было бы попасть служить в медицинские части. Здесь ничего трудного и плохого, зато кругом хорошенькие медицинские сестры. Получил еще одно письмо от Диди. Очень приятно.

13 марта 1967 года

Я снова в своей части. Сегодня видел Кристенсена. Настроение у него паршивое. Паулсон снял его с должности водителя и назначил передовым наблюдателем. За это время у нас появился новый командир (нашего перевели в штаб батальона) - капитан Томас. Парень неплохой, только, кажется, из верхушки общества.

19 марта 1967 года

Временами "чарли" то приходят в отчаяние, то начинают сходить с ума. Накануне они обстреляли нас из леса, но это для них обернулось скверно. Командир приказал нам контратаковать, и все двадцать бронетранспортеров начали преследовать противника. Я проникся еще большим уважением к некоторым ребятам из нашего подразделения. Взять Гринфилда, например. Так он настоящий тихоня, но если посмотреть на него, когда вокруг свистят пули, а он, не обращая на них внимания, орудует у 50-миллиметровой пушки, то вы решите, что это стальной человек. Кристенсен был отличным водителем, но и Слепиап не хуже его. Он так ловко шнырял по джунглям, будто находился в них всю свою жизнь. Сачс передавал одновременно три радиограммы, в то время как я обслуживал радиотелефон, связывающий нас с командиром части.

Когда бронетранспортеры не могли больше продвигаться в джунглях, командир приказал некоторым из нас вылезти из машин и преследовать противника пешими. Это было страшным адом. Пространство вокруг буквально кишело пулями и минами. Некоторых ребят ранило, но к ним сразу же подбегали санитары и, подвергая себя опасности, оказывали помощь.

21 марта 1967 года

С 15-го я снова нахожусь в госпитале. Опять моя башка. Частые приступы головокружения и большие кисты на лбу. Надеюсь, что мне не придется мучиться, как прошлый раз. Рентген показал, что повреждений головного мозга нет. Когда я прибыл, то врач, если можно его так назвать, вскрыл кисты и оставил меня лежать на залитой кровью койке. Он ничего не дал мне от головокружения. Только сказал, чтобы я отдохнул и возвращался в свою часть. Он говорит, что у меня легкий невроз. Черт подери, сколько же может длиться этот невроз? На следующее утро рана загноилась, и мне пришлось валяться на

грязной койке еще два дня, без какой-либо врачебной помощи. Места в палате для меня все еще нет. Попробовал подняться и походить, но, когда встал, голова закружилась и пришлось снова сесть. Несколько раз я жаловался, но каждый раз получал от ворот поворот. На четвертый день я просто схватил врача за руку и показал на свою голову - из раны сочился гной. "Что еще, черт возьми, тебе нужно?" - спросил он. Меня это так разозлило, что я был готов свернуть ему шею. Он почистил и промыл мне рану, причинив адскую боль. Санитары там, на поле боя, и то обходились со мной лучше.

23 марта 1967 года

Я снова в своей роте, которая находится южнее Сайгона. Говорят, я пропустил много боев. Погиб наш командир взвода лейтенант Олден, бедного Слепиана постигла та же участь. Я буду скучать об этом парне. Слепиан был чертовски хороший водитель и свой парень, правда слишком бесшабашный. Может быть, поэтому он и схватил пулю.

В лагерях, встречающихся на нашем пути, тысячи беженцев. Они живут в построенных на скорую руку хижинах из обломков досок и мятой жести. Эти несчастные люди действительно страдают. Вчера мы сожгли деревню. Все исчезло в пламени в считанные минуты. Военные сгоняют пострадавших жителей в лагеря для беженцев, иногда в новые деревни, но это бывает очень редко. В любом случав им приходится начинать все сначала, так как они навсегда потеряли свои рисовые поля, кур и домашних животных. Я слышал, что некоторые молодые девушки отправляются в Сайгон и становятся там проститутками, чтобы как-то помочь своим семьям обзавестись новым хозяйством.

28 марта 1967 года

Только что вернулись с операции "Джанкшн-Сити", в которой нас использовали как блокирующие части. Это были сплошные переживания. Одна пехотная дивизия оттеснила вьетконговцев в южном направлении, как раз в тот район, где находились наши бронетранспортеры. Мы только того и ждали и, поскольку противник вышел прямо на нас, скосили его наповал. После этого все были очень веселыми и выпили много пива, но мне было как-то не по себе. Смерть есть смерть, неважно, кто умирает.

На днях у Имори умерла бабушка. Он тяжело воспринял это, так как очень любил ее. Командование почему-то разрешило ему съездить домой на похороны. "Странно, - подумал я, - парень едет за тысячу миль, чтобы в последний раз увидеть мертвого человека, а тут мертвые грудами валяются вокруг".

Сегодня получил весточку от отца. Он и вся наша семья живут хорошо. Пройдет еще много месяцев и много пуль еще

просвистит над моей головой, прежде чем я снова увижу их. В такие дни, как сегодня, мне часто кажется, что этой встречи может вовсе и не быть. Меня, должно быть, переведут в семнадцатую роту. Не сомневаюсь, что сержант Паулсон хочет избавиться от меня, потому что вьетконговцы все еще не прикончили меня, хотя я и передовой наблюдатель. Для меня так даже лучше. Я устал таскаться пешком с этими пехотными крысами. Паршивое занятие. Никогда не знаешь, вернешься ли назад. Иногда проходит целая вечность, прежде чем кто-то ответит на нашу заявку о поддержке и начнет минометный обстрел. Заявка должна пройти слишком много инстанций, прежде чем будет удовлетворена. Иногда "чарли" успевают отойти еще до того, как наши получат разрешение открыть огонь. Прежде чем произвести хоть один выстрел, им приходится связываться с командованием авиации, сухопутным командованием и с южновьетнамской армией. Что же все-таки это за война? Говорят, что мы располагаем здесь большей огневой мощью, чем располагали во время первой и второй мировых войн, вместе взятых. Тем не менее вьетконговцы продолжают держаться. Я не могу этого понять. Каждый из них, должно быть, живет и умирает по сорок раз. Сегодня сорок один градус. Жарко и душно.

3 апреля 1967 года

Только что вернулись из пятидневной операции, в которой мы убили и взяли в плен много вьетконговцев. Большая часть из них попала в наши засады. Операция прошла довольно гладко. Наша рота прочесывала район, в котором, как мы знали, скрывались "чарли", потом мы отходили назад, оставляя в засаде отделение. Затем, когда мы, передовые наблюдатели, замечали, что "чарли" вылезают из своих укрытий, мы давали сигнал роте и та напирала до тех пор, пока мы не получали минометную поддержку. Погибло несколько наших ребят. Когда "чарли" припирают к стенке, они дерутся как черти.

Фотографирую последнее время мало. "Чарли" все время держат нас в напряжении, а снимать во время боевых действий трудно. Я выполняю обязанности передового наблюдателя, и мне совсем не до щелканья фотоаппаратом. Надо будет послать несколько отснятых пленок отцу, пусть он напишет, правильно ли я выбираю выдержку.

4 апреля 1967 года

Только что узнал, что наша рота отстранена на два дня от боевых действий. Это не удивительно. Мы проехали через несколько городов с пятью мертвыми вьетконговцами, привязанными к нашим бронетранспортерам. Это, как я думаю, месть за наших солдат, убитых вчера. Вьетнамцы смотрели на них

с ужасом. Но винить их было бы несправедливо. Это было страшное зрелище окровавленные трупы, ставшие серыми от жары и грязи рисовых полей. Кое-кто из наших ребят измывался и уродовал тела вьетконговцев. Я видел, что сержант Янг носит на шее нанизанную на шнурок пару высушенных ушей убитого вьетконговца. Я слышал, что другие наши солдаты отрезают у вьетконговцев даже половые органы. Мне, слава богу, никогда не приходилось видеть это.

Высшее командование приказало нашей роте уйти из этого района. Кажется, крестьяне пожаловались, что рота грабит и сжигает их дома. И они часто абсолютно правы. Мертвые тела, прицепленные к транспортерам, никак не помогают нам. Сейчас мы в своем батальоне, в базовом лагере "Браво".

Пока мы находимся под следствием. Настроение в роте самое паршивое. Мы бы предпочли сейчас искать "чарли", чем сидеть здесь в лагере. Большинство проклинают тех нескольких ребят за то, что они подложили нам такую свинью. Но мы ведь солдаты той же роты. Пока это не кончится, нам ничего не остается делать, как стоять в карауле, пить пиво и пожинать плоды своих деянии. Многие ребята возятся со своими бронетранспортерами, как будто это их собственные машины: устанавливают на них дополнительное оружие, рисуют картинки на бортах. На одном транспортере появились даже резиновые щитки от грязи. Уйма времени для того, чтобы помыться и написать письма. В общем-то это не так уж плохо, если бы над нами не висело это дело.

Только сейчас узнал, что моя старая пехотная часть потеряла восемьдесят процентов своего состава. Интересно, как там Ча-Ча и Ашворт.

Слышал также, что мой новый командир взвода, лейтенант из Северной Каролины, заставил пожилую женщину ползти по грязи, угрожая ей пистолетом, нацеленным в голову. Парень, кажется, крутой. Он любит вести учет, сколько человек убил.

Имори говорит, что он очень уж разозлился на ту старуху потому, что она отказывалась отвечать на вопросы о вьетконговцах.

5 апреля 1967 года

Сегодня утром во время завтрака к нам на вертолете прибыл генерал из штаба и при всех на чем свет стоит разнес капитана Томаса. Он назвал нас "бандой воров и необученными собаками", а также сказал, что если Томас не отмуштрует нас как следует, то его понизят в звании. По правде говоря, это было забавное зрелище, когда наш командир стоял навытяжку, то и дело повторяя: "Да, сэр. Нет, сэр. Вы правы, сэр". Для меня все эта настоящий удар, хотя я и старался не показывать этого. Это он

ведь должен написать мне рекомендацию в институт. Теперь, чтобы поправить положение, Томас съест нас с потрохами. Но уж я постараюсь остаться в стороне.

6 апреля 1967 года

Сегодня убили Гринфилда. Это был первый день операции "Хэммер" - по поиску и уничтожению противника. С нами выехали два фотокорреспондента: один из радиовещательной компании "Колумбия", а другой из национальной радиовещательной компании.

Стояла тишина. Мы с грохотом продвигались вдоль края леса, который отделял нас от мелкой речки. Гринфилд сидел слева от меня, сразу за водителем. Неожиданно над головой просвистели две пули. Мы проползли по крыше бронетранспортера и спрыгнули в люк. Головы наши возвышались над люком. Я вызвал командира минометного взвода и доложил, что нас обстреливают снайперы. Но, как всегда, над нами висели вертолеты, и поэтому минометчики стрелять не могли. Далеко из тыла вела огонь артиллерия. Мы открыли стрельбу из 50- а 60-миллиметровых пушек. Я слышал, как Томас приказал прекратить огонь и пушки замолкли. Снайперы начали обстреливать нас снова.

Слева от меня раздался хрустящий звук. Я повернулся как раз в тот момент, когда из дырки в каске Гринфилда хлынула кровь. Его ранило, и он как подкошенный свалился на днище бронетранспортера. Я спрыгнул вниз за Гринфилдом, но лейтенант Вайет был уже возле него. Он пытался достать повязку и наложить ее, чтобы остановить кровотечение. Когда Гринфилд начал захлебываться собственной кровью, Вайет сунул ему в рот свои пальцы, чтобы кровь могла беспрепятственно вытекать наружу. "Держись, Гринфилд, держись. Все обойдется", - успокаивал он беднягу. Гринфилд пошевелил головой.

Наши орудия вновь начали обстреливать лес. Я попросил Томаса, чтобы тот выслал вертолет за Гринфилдом. Он ответил, что вертолет уже вылетел, чтобы забрать командира третьего взвода, который тоже ранен.

К нам прибежал санитар из другого бронетранспортера, чтобы оказать Гринфилду первую помощь. Он попытался открыть банку с морфием ключом, но тот сломался. "Вот зараза!" Он попробовал отодрать крышку голыми руками, но порезал себе пальцы. Теперь повсюду была и его кровь.

Сачс, которого едва не тошнило, пробормотал: "Он умер, ребята, он умер".

Вертолеты приближались, ведя огонь по лесной полосе. Наши пушки стреляли с максимальной скорострельностью. Мы

подтащили Гринфилда к вертолету. Санитар отправился вместе с ним. Я знал, что вижу Гринфилда в последний раз. Ни один человек не мог бы выжить с такой раной. Погиб еще один хороший парень.

Я вновь вспрыгнул на транспортер, и Вайет приказал нам прочесать местность, двигаясь по направлению к лесу. Фотокорреспонденты хотели сойти, но мы не могли остановиться. Наша машина шла к речке. Парень из национальной радиовещательной компании вызвал вертолет, чтобы забрать их, но тот, что был из радиовещательной компании "Колумбия", захотел остаться с нами. Вертолет прибыл, но вьетконговцы открыли по нему огонь. В довершение всего люди около вертолета наткнулись на минуловушку. Вьетконговцы начали буквально поливать нас свинцом. Повсюду свистели пули. Мне показалось, что фотокорреспондент из национальной радиовещательной компании был ранен.

На частоте моей рации раздался голос с разведывательного самолета. Летчики докладывали, что видели около пятидесяти "чарли", выбегавших из леса в пятистах метрах восточное нас. Они были на рисовом поле и бежали к реке. Вайет приказал нам выйти из машин и преследовать "чарли" пешком, ведя огонь на ходу.

Когда мы начали стрелять по реке, в ней оказалось примерно пятнадцать "чарли", которые прятались в тростнике. Мы перестреляли их как утят. Я убил третьего по счету человека.

Вот так все это произошло. Хорошенькое начало операции. Бедный Гринфилд. Всего лишь несколько дюймов левее, и покойником был бы я. Может быть, завтра настанет и моя очередь. Кто знает? Только вчера он рассказывал о девушке, на которой собирался жениться, когда вернется домой. Он был простым парнем. Хотел стать плотником.

Сегодня устал как собака, к тому же скверное настроение. Эта операция продлится еще самое маленькое две недели. Когда только все это кончится?

10 апреля 1967 года

Сегодня утром "чарли" прервали наш завтрак. Они открыли огонь по вертолету, который доставляет нам еду. Томас приказал нам занять места в бронетранспортерах, и мы двинулись в том направлении, откуда вели огонь снайперы. Мы догнали четырех "чарли" на открытом месте и забросали их ручными гранатами. Они направились было к реке, но, естественно, не дошли до нее. Мы скосили их наповал и пошли дальше разыскивать остальных. Внезапно из кустов вышли еще двое вьетконговцев, и я разрядил в них свою М-16. Затем Сачс прицелился в какой-то предмет,

двигавшийся под водой. Это был вьетконговец. Когда он показался над водой, чтобы вдохнуть воздух, Сачс всадил в него всю обойму из тридцати патронов. Это было невероятно. Вьетконговец должен был умереть, вода вокруг него покраснела от крови. Но он повернулся и протянул к нам руки, прося пощады. Сачс заставил его замолчать навсегда, разрядив в беднягу вторую обойму.

На обратном пути мы нашли одного из тех, в которого попал снаряд из нашей 50-миллиметровой пушки. Ему оторвало одну ногу, но он все еще ворочался в грязи. Гёрни, который сидел на транспортере, хотел прикончить его из 50-миллиметровой пушки, но Томас сказал! "Подожди, я сам". Он вынул пистолет и разрядил его в голову раненого. Тот попытался было подняться, но тут же замертво свалился на землю. Я устал до смерти от этого кошмара.

15 апреля 1967 года

Снова в базовом лагере "Браво" у дельты. Результат нашей операции около трехсот убитых и неизвестное количество раненых и неучтенных. Вьетконговцев трудно уничтожать. Если бы не бронетранспортеры, это было бы просто невозможно. Наша следующая операция будет в Долине Тростников. Мы и раньше бывали там. Транспортеры не могут ходить по болотистой почве. Нас доставят туда на самолетах или вертолетах.

Получил письмо от приятеля Джонни Ширера. Он учится в рочестерском технологическом институте и считает, что я мог бы поступить туда же. Он пишет, что мой отец что-то предпринимает для этого. Надеюсь, что мне повезет и я поступлю.

"Чарли" сегодня не показываются, но все равно я опять смертельно устал.

20 апреля 1967 года

Только что вернулись из Долины Тростников. Прошли большой путь по грязи и воде, но противника не обнаружили.

Пока мы ждали вертолеты, которые должны были нас доставить к бронетранспортерам, Хикмэн увидел на земле гранату противника и подошел к ней. Я крикнул ему: "Лучше оставь эту дьявольскую штуку в покое!" Но он не послушался и поднял гранату. Эта штука неожиданно взорвалась, и Хикмэн повалился на землю. Когда бедняга пытался встать, он орал во все горло: "Моя рука! Боже мой, у меня нет руки!" Мы подбежали и наложили ему жгут, пытаясь остановить кровотечение до прибытия врача. Хикмэн плакал как ребенок и умолял нас найти его руку. "О боже мой, я не могу ехать домой в таком виде. Как же я поеду?" Мы сделали вид, что ищем, хотя хорошо знали, что ничего не найдем, так как кисть разорвало на кусочки.

Ума не приложу, зачем этому дурню понадобилось

поднимать с земли гранату. Ну что ж, теперь он поедет домой, а все ребята из нашего бронетранспортера собрались в моей палатке и напились до чертиков. Пойду, пожалуй, и я к ним.

24 апреля 1967 года

Ездил в Сайгон на три дня, чтобы побывать у врача со своей башкой. Черт возьми, что за место! Столько красивых женщин. Солдаты живут припеваючи. Посетил несколько ночных клубов и отведал отличные вьетнамские национальные блюда. Необыкновенный вечер. Ребята, которые служат там, живут себе горя не зная. Им даже нравится, что война длится так долго. Ни офицеры, ни сержанты ни на что не променяют ту жизнь, которую они там ведут. Сайгон заполнен множеством молодых людей, снующих повсюду на мопедах. Интересно, почему они находятся там, а не воюют здесь, вместе с нами.

26 апреля 1967 года

Два дня пробыли в районе Рэч Кайен. Боев никаких не было, только прочесали местность и отошли назад. Слышал, что третий взвод прошлой ночью попал под огонь. Он вел поиск противника самостоятельно. Один парень убит, трое ранены. Надеюсь, что они поправятся. На этот раз противник оказался хитрее нас.

Мне понадобится письмо от родных, чтобы получить отпуск, отдохнуть и повеселиться. Апрель на исходе. Приближается период муссонных дождей.

5 мая 1967 года

Только что получил письмо от Диди. Она пишет, что отец все еще пытается устроить меня в рочестерский технологический институт. Он прочитал там одну лекцию, и они вроде бы обязаны ему. Может быть, отец и приобретет там какой-нибудь вес. Это хороший институт. Я просил Диди помочь мне. Отец действует в таких делах слишком неторопливо. Надо будет отослать ей все документы для поступления.

8 мая 1967 года

Я опять в госпитале. Тот же случай - ранение осколком в голову. Опухоль все увеличивается, и врачи время от времени вскрывают ее. Господи, чего в этом госпитале только не насмотришься! Один парень прибыл с такими тяжелыми ранениями, что пытался покончить с собой. Я держал его, пока врач не сделал ему укол. Утром доставили одного из южновьетнамской армии. У него оторвало ногу, он закапал своей кровью весь пол. Вьетнамец ничего не говорил и не стонал. Наверное, думал о том, где взять себе другую ногу. Надеюсь, мне не придется испытать подобную муку.

Начался период дождей. Говорят, что они будут идти не переставая четыре месяца подряд. Наша рота вместе со

строительным отрядом строит временную базу в Долине Тростников. Там сейчас все залито водой. После этого у нас будет только караульная служба и патрулирование.

15 мая 1967 года

Последнее время много думаю о людях, которых я люблю, о войне, о женщинах и о многом другом. Честно говоря, я запутался. Вести из Штатов ошарашивают меня. С одной стороны, Стоукли Кармикел говорит, что негры не должны воевать за эту страну. С другой стороны, кое-кто из негритянских лидеров думает совсем наоборот. Уверен, что большинство из них никогда не нюхало пороху. Но я-то знаю, что такое война, и знаю, что сыт ею по горло. Здесь, на войне, я понял, что во многом заблуждался. Отец был прав, когда неоднократно говорил мне: "Ох, парень, видно, тебе нелегко придется познавать жизнь". Если я когда-нибудь выберусь отсюда целехоньким, то буду совсем другим человеком. Если ты хочешь получить что-то от жизни, надо обеими руками вцепиться в нее и держаться, не отпускать. Раньше, когда учился в школе, я не понимал этого. Теперь я страстно хочу жить и, что бы ни встало на моем пути, добьюсь своего.

Думаю, что завтра вернусь к ребятам.

17 мая 1967 года

Я снова в своей роте. Жарко. Мы опять в пути; спешим к месту завтрашней операции. Не знаю, в каком это месте. Возможно, нам придется оставить транспортеры и спешиться, потому что кругом грязь и топь. "Джипы" с трудом продвигаются по дорогам. Никогда не думал, что дожди могут причинить столько хлопот и неудобств.

Все время прибывают новые ребята, а старых или убивают, или переводят в другие части. Не успеваешь даже познакомиться. Несколько наших ребят переводят в 273-ю пехотную бригаду, а к нам пришли их солдаты. 273-я бригада прибыла сюда на пять месяцев позже нашей дивизии, и этот обмен поможет нашей части сохранить численный состав до того, как кончится годовой срок нашей службы. Меня не переведут, потому что один раз уже переводили. Второй перевод - это нарушение правил.

18 мая 1967 года

Пассмор - радиотелефонист командира нашей роты - сказал мне, что тот подыскивает себе еще одного радиотелефониста: ему нужны два. Я, не долго думая, спросил Томаса, нельзя ли послать меня на эту должность. Он ответил положительно и обещал попытаться продвинуть меня. Это здорово. Мне уже до чертиков надоело быть передовым наблюдателем. Паршивое это дело - ходить в ночные патрули и сидеть в засаде. И вот теперь я на

бронетранспортере командира роты. Многим это не нравится. Негр не должен знать штабных секретов. Я много попотел, прежде чем получить такое место, поэтому к черту всех, кому это не по вкусу. Теперь меня не посылают на работы и я не стою в нарядах. Радиограммы передаются круглые сутки, поэтому Пассмор или я не отходим от приемников ни на минуту. Сержанты, которые все время норовили дать мне пинка, теперь стали относиться ко мне уважительнее. Боятся, что донесу на них. Конечно, я никогда этого не сделаю, а если бы и сделал, то командир части все равно не принял бы никаких мер. Пассмор действительно трудится за двоих: несет вахту у радиостанции и подлизывается к командиру роты. Сейчас мы находимся в лагере "Браво", но это ненадолго. Что-то готовится.

21 мая 1967 года

Только что вернулись из настоящего пекла. Мы два дня стояли наготове, в то время как пехота прочесывала местность и вела поиск противника. Наконец она напала на "чарли", но на этот раз те и не думали отступать, а перешли в контратаку. Пришлось вмешаться нашим бронетранспортерам, и мы действительно дали им жару. Когда мы прибыли, положение пехотных частей было критическое они уже выдохлись. У них были только винтовки М-16 и пистолеты. Это был самый жаркий бой частей нашей дивизии в дельте реки Меконг. Участвовали почти все тридцать наших бронетранспортеров. Мы буквально засыпали все вокруг своими снарядами. Мы преодолели полосу скользкой грязи, вышли к вьетконговским оборонительным сооружениям и разгромили их. Вскоре "чарли" начали отступать. Из наших ребят девятнадцать было убито, сорок шесть ранено. Но и мы убили около двухсот "чарли".

Главный удар приняла на себя вторая рота четвертого батальона 48-го пехотного полка. Но в бой пришлось вступить и летчикам, и 415-му артиллерийскому полку, и нашим бронетранспортерам. "Чарли" добились нескольких попаданий снарядами безоткатных орудий в наши бронетранспортеры. Ничего страшного.

Сейчас война идет действительно полным ходом. Ходят слухи, что мы можем начать наступательные действия наземных войск и на территории Северного Вьетнама. Этак придется прослужить здесь не один, а все четыре года. От одной этой мысли можно свихнуться.

Из института ничего нет. Уж прислали бы хоть какой-нибудь ответ: "да", "нет" или пусть даже "возможно". У меня впереди еще шесть месяцев службы. Где же, черт подери, письма из дому?

25 мая 1967 года

Идут дожди, и все как бы замерло. Лагерь "Браво" залит чуть ли не трехметровым слоем воды. Иной раз я предпочел бы быть на передовой, чем сидеть и слушать этих офицеров. Они болтают без умолку и хвастают своими победами или на поле боя, или над женщинами. Временами они ведут себя как дети, хотят, чтобы кто-то слушал их болтовню. А тебе в таких случаях, если не хочешь быть отправленным на передовую, приходится слушать их, поддакивать и изображать радость. Единственная возможность избежать этих рассказов - это молча лежать где-нибудь в стороне. Стоит только показать им малейший проблеск ума - и ты пропал. Особенно, если ты негр.

Прэтт и Гёрни - довольно смышленые негры, но когда бы ты ни встретил их, они всегда выполняют какую-нибудь грязнейшую работу, в то время как белые ребята валяются на койках и наслаждаются жизнью. Двум белым парням стало настолько стыдно, что они пошли сегодня к командиру роты и пожаловались на то, что Прэтта и Гёрни все время назначают на грязные работы. Надеюсь, что это принесет какую-нибудь пользу, хотя вряд ли.

Назначением на работы ведает сержант Паулсон. Капитан Томас - толковый офицер и почти всегда относится ко мне хорошо, возможно, потому, что я его радиотелефонист. Но временами он выходит из себя. Я сделал ошибку, показав ему однажды вырезку из газеты, которую прислала Диди. В ней говорилось о том, как Мартин Лютер Кинг осуждает войну. "Возомнил себя бог знает кем этот Кинг! - рявкнул Томас. - Получил Нобелевскую премию и теперь думает, что может править всем миром". И продолжал в таком же духе разносить Кинга в пух и прах. Я сказал, что считаю доктора Кинга человеком, который борется за справедливость для всех людей. Сказал, а потом спохватился и поспешил закрыть свой большущий рот, потому что у меня не было никакого желания идти в ночной дозор.

6 июня 1967 года

Ура! Получил письмо от Кена Гилмена. Лиз сказала ему, что меня приняли в рочестерский технологический институт. Надеюсь, что это правда. Почему же не пишет об этом отец?

Последние десять дней мы действовали в районе Тан-Ан, это немного южнее Сайгона. На днях убили двоих. Эту картину трудно будет забыть. "Чарли" заметили с вертолетов в тот момент, когда они пытались удрать. Пулеметчики изрешетили их пулями, а мы прикончили из 50-миллиметровых пушек. Люди были превращены в кровавое месиво из сырого мяса и грязи. Не очень-то приятная картина. Пассмора, второго радиотелефониста,

начало тошнить, и он получил пинка от командира. Прошло уже шесть месяцев, а он все никак не может привыкнуть. Меня не тошнило, но после этой сцены обедать я все-таки не мог.

8 июня 1967 года

Да, это правда. Меня приняли. Утром получил два письма. Одно из рочестерского технологического института, другое от отца. Тот факт, что я принят, позволит мне выбраться отсюда на восемьдесят дней раньше. Нет сил ждать. Чертовски надоело жить в грязи, исполнять приказы и слушать, как тебя обзывают по-всякому старшине по чину. Паулсону доставляет удовольствие оскорблять солдат-негров. Я просто уверен в этом. Прэтт ненавидит его. "Слушай-ка, в один прекрасный день я "ошибусь" и прикокну этого сукиного сына вместо "чарли", - сказал он мне, когда его третий раз подряд послали в ночной патруль.

Я побывал в 250 заданиях и участвовал более чем в 25 крупных операциях. Этого вполне достаточно для полного срока службы. Ходят слухи, что нас пошлют в демилитаризованную зону. Надеюсь, что это неправда. Но могут и послать. Мы убили много вьетконговцев в районе дельты реки Меконг. На нашем счету много жарких боев. Некоторые крестьяне считают нас убийцами мирных граждан. Это одна из главных трагедий войны - масса невинных людей погибает или получает увечья. Некоторые ребята позволяют себе насиловать женщин и даже хвастают этим.

Недавно прибывший к нам негр Джоунс на днях убил мирного жителя на глазах его троих детей. Мы взяли под стражу этого человека потому, что у него не было удостоверения личности. Мы загнали его вместе с женой и детьми в хижину и стали ждать прибытия местной полиции, которая должна была установить его личность. Этот человек два раза пытался выйти из хижины, но всякий раз Джоунс окриком возвращал его обратно. Ожидая прибытия полицейских, мы перекусили хлебом с салом, а потом я вышел на улицу и примостился возле стены подремать. Внезапно совсем рядом прозвучали выстрелы из М-16. Это было так близко, что я подумал - меня ранило. Я бросился к Джоунсу и увидел, что он стоит возле лежащего на полу вьетнамца, который пытался встать. Из спины вьетнамца фонтаном била кровь. Джоунс, весь мокрый и трясущийся, стоял подле него. Джоунс сказал, что, когда вьетнамец побежал к двери, ему пришлось выстрелить в него. Дети громко плакали, держась друг за друга, а жена, встав возле мертвого на колени, причитала ужасным голосом. Пришел врач и попытался спасти этого человека, но его вмешательство было бесполезно - вьетнамец умер. Между прочим, я заметил, как врач горько покачал головой. Вскоре прибыла местная полиция и сказала, что этот человек не имел никакого

отношения к Вьетконгу. Плохо, что они не приехали чуть раньше.

Поздно вечером жена вьетнамца подала на нас жалобу местным властям. Наутро прибыла военная полиция, чтобы расследовать дело. Командир части сказал Джоунсу, чтобы тот не беспокоился, так как он всего лишь выполнял свои обязанности.

Я до сих пор не могу понять, почему этому парню так хотелось убежать из хижины. Самое ужасное то, что если бы мы его связали (а мы обязаны были сделать это), то он не пытался бы улизнуть и в этом случае остался бы жив. Единственной причиной того, что мы не связали парня, было присутствие его близких. Мы думали, что им тяжело будет это видеть. Я постоянно думаю о его детях. Они будут ненавидеть нас всю свою жизнь. И кто осудит их за это?

12 июня 1967 года

Только что закончили двухдневные аэромобильные операции. Наши бронетранспортеры бездействуют из-за муссонных дождей. Смотришь на грязь, и кажется, что она уходит на милю в глубину. Когда приближаешься к полю боя на вертолете, чувствуешь себя, словно в аду. На подходе к боевой зоне вертолеты стреляют из всех пушек и пулеметов на полную мощь, чтобы подготовить место для нашей высадки. Я никогда не смогу привыкнуть к грохоту, который мы производим. Вокруг стоит такой шум, что ты никогда не знаешь, ведут ли "чарли" ответный огонь. Когда спрыгиваешь на землю, кровь приливает к голове и ты молишь бога, чтобы "чарли" не начали в этот момент расстреливать тебя из пулемета или автомата. Спрыгнув на землю, мы во всю мочь бежим к ближайшей канаве, молясь богу, чтобы не нарваться на мину-ловушку или стальные шипы, покрытые ядом или навозом буйволов. Когда все разберутся и займут свои места, мы начинаем прочесывать местность. Мы участвовали в семнадцати таких вылетах. Еще восемь вылетов - и мы получим медаль за участие в аэромобильных операциях. Механизированным частям приходится работать до потери сознания, чтобы получить такую награду.

Джоунс застрял во время такой операции в болоте на рисовом поле. Его вытаскивали оттуда с помощью вертолета. Интересно, что с ним произошло?

13 июня 1967 года

Вчера вечером смотрели кино, что бывает здесь довольно редко, но к концу фильма снайперы начали обстреливать нас, целясь в луч киноаппарата. Стреляли со всех сторон: и справа, и слева, поэтому я помчался что есть прыти к колонне бронетранспортеров. Там никого не было, кроме перепуганного насмерть Гёрни. Этот парень настолько сдрейфил, что начал

палить из пушки прямо через тент. Я спросил его: "Куда ты стреляешь? Ты ведь ничего не видишь". А он ответил: "Ты прав, друг, но если "чарли" слышат, что отсюда стреляют, они дважды подумают, прежде чем лезть сюда". Тогда я сказал этому дурню: "Послушай, ведь "чарли" не в базе, а где-то за ее пределами". А он мне: "Ну и что же, пусть за пределами, зато они не придут сюда". Мне пришлось все-таки утихомирить Гёрни, а то он мог бы так убить или меня или еще кого-нибудь.

После того как мы немного пришли в себя, на поиск снайперов противника выслали разведывательную роту. Один солдат этой роты ушел слишком далеко вперед, и его по ошибке убили свои. Вьетконговцы спрятались в какой-то деревушке, и в результате перестрелки было убито пятнадцать мирных жителей. Была такая неразбериха, что судить о том, от чьих пуль они погибли - то ли от наших, то ли от вьетконговских, - невозможно. Очень много было случайных ошибок и недоразумений. Этот случай оставил у меня очень тяжелое впечатление.

14 июня 1967 года

Если меня не уволят в начале сентября, то я наверняка окажусь в демилитаризованной зоне. До недавнего времени на этот счет ходили слухи, но теперь стало известно, что это правда. Батальон переведут туда, потому что наши боевые успехи расцениваются очень высоко. Говорят, что мы лучшие в дивизии. Вот чем нас отблагодарили в ответ на все старания. Разговаривал с одним парнем, который только что прибыл оттуда, из демилитаризованной зоны. Говорит, что не вернется туда ни за какие коврижки.

28 июня 1967 года

В этом месяце нет житья от мин. Вчера, например, бронетранспортер, на котором я обычно ездил, нарвался на 500-фунтовую мину. Мы находились в сотне ярдов позади, когда раздался взрыв и вверх взметнулся столб черного дыма. Здоровенный бронетранспортер подбросило, как игрушку. Когда мы подбежали, то увидели, что Гёрни и Сачса раздавило искалеченным броневиком. Тела Янга и Хоффмастера пришлось собирать по кускам. Трудно поверить, что их больше нет в живых. Все остальные ребята, находившиеся в бронетранспортере, ранены. Я не могу дождаться того дня, когда выберусь отсюда. Чем меньше остается времени ждать, тем становится труднее. Живу только одной надеждой, что выдержу все это.

30 июня 1967 года

Сачс и Гёрни просто не выходят из моей головы. Оба они по-настоящему хорошие ребята. Гёрни - спокойный и симпатичный негр, родом из Кентукки. Мы с ним назначили день, чтобы

встретиться и побродить вместе по Нью-Йорку. Сачс - белый парень из Делавэра. Он всегда говорил о своей девушке, которая писала ему по три-четыре раза в неделю. Он и Грипфилд были особенно хорошими моими друзьями. Их обоих постиг мучительный конец.

4 июля 1967 года

Вчера опять участвовали в операции на вертолетах, но противника не обнаружили. Когда нас высадили на землю, вооруженные вертолеты вели огонь настолько близко от нас, что ранили двоих - Диаса и Харриса, которым осталось служить всего двадцать шесть дней. Мексиканцу Диасу попало в плечо. Они оба лежали в грязи, и Диас все просил нас, чтобы мы помогли Харрису. Бедняга Харрис бился в большой луже крови. Через несколько минут он умер. Похоже на то, что погибают как раз те ребята, которым осталось мало служить. Я тоже жду своей очереди.

7 июля 1967 года

Этой ночью нас обстреляли из минометов и пулеметов. Это уже третий раз за последние две недели. Доли, еще один почти выслуживший весь срок, получил ранение в руку, но думаю, он скоро поправится. Мне очень не хотелось бы еще когда-либо участвовать в подобной войне.

13 июля 1967 года

Только что вернулись из операции, которую проводили на реке. Вверх по течению пробирались на катерах, и это в целом заняло четыре часа. Трое ребят нарвались на мины-ловушки, но убит только один новичок Бартон. Мы прибыли в этот район, чтобы подобрать троих вьетконговцев, заявивших о добровольной сдаче в плен. Когда мы взяли их, они сообщили, что в лесной полосе находится больше сотни вьетконговцев. Капитан Томас сразу же решил, как действовать. Он, Пассмор и я должны были идти к лесу вслед за вьетконговскими пленными. Томас дал команду идти, но никто не двинулся с места. Было такое чувство, что "чарли" затаились в лесу и ждут, когда мы подойдем ближе. Никому не хотелось проверять, так ли это на самом деле. Томас повторил приказ. Опять никто не пошевельнулся. Тогда капитан вскинул свою винтовку и направил ее на нас. "Это что еще такое? - закричал он. - Ну-ка пошевеливайтесь! Пассмор, Паркс, к лесу, шагом марш!" Мы начали медленно продвигаться вперед, остальные пошли за нами. Я не мог не восхищаться храбростью этого человека, но, пока мы прочесывали лес, я проклинал его на каждом шагу. Если в лесу был бы хоть один "чарли", он наверняка взял бы нас на мушку. Но мы не обнаружили ни одной живой души. Весь остаток дня Пассмор ругал Томаса, называя его

"ослом, воображающим себя героем войны". Говорил он это, конечно, в отсутствие капитана.

18 июля 1967 года

Этой ночью я почти совсем не спал. Чувствую, что жить мне осталось немного. Временами размышляю над тем, что лучше пусть убьют сразу, чем остаться калекой. Для меня было бы невыносимо ковылять весь остаток жизни на одной ноге или вообще без ног. Скоро получу краткосрочный отпуск. Чем скорее, тем лучше. Впереди самое большее - еще одна операция.

23 июля 1967 года

Осталось всего около тридцати суток. Томас говорит, что будем участвовать в операциях до конца сентября. Мне кажется, что у нас большой недостаток в людях, так как многих из наших ребят переводят или в 273-ю пехотную бригаду в демилитаризованной зоне или в 7-й учебный разведывательный полк к северу от Сайгона. Надеюсь, дядя Сэм знает, что делает.

24 июля 1967 года

Странная перемена произошла с нашим командиром роты. Он вдруг стал считать себя чемпионом по убийству "чарли". Без конца хвастает этим и насмехается над теми, кого убил. Я всегда уважал его больше, чем других офицеров, и, когда ему бывало трудно, старался помочь. Иногда он бывает настроен ко мне дружелюбно, но чаще всего смотрит на меня, как на лакея. Пару недель назад мы сидели в рисовом поле, ожидая приказа. Ни с того, ни с сего он решил попрактиковаться в стрельбе из своего пистолета. Он заставил меня, словно мальчишку, бегать целых полчаса по грязи и устанавливать для него в качестве мишени пустые жестяные коробки из-под боевого пайка. На днях он уронил свой пистолет в грязь и приказал мне поднять его. Я знаю, он думал, что я почищу его, но я отдал ему пистолет и отошел прочь. Ох и разозлился же он! Пусть Пассмор чистит. Это его обязанность. Так и вышло, Пассмору пришлось-таки вычистить пистолет. Слишком много грязной работы я выполнял раньше, чтобы теперь подчищать что-то за Томасом.

Только что получили приказ об операции назавтра. Это будет трехдневная операция и мой двадцать третий боевой вылет на вертолетах. Муссонные дожди все продолжаются. Я скучаю по нашим бронетранспортерам.

1 августа 1967 года

Мы в операции "Лэнсинг". Наша задача - очистить от противника шоссе № 4, соединяющее дельту реки Меконг со столицей.

Два дня назад "чарли" разбудили нас в два часа ночи и задали нам такую трепку, какой мы еще не видели. Она

продолжается до сего времени. Мы должны были начать действия против них через несколько часов, но "чарли" застали нас врасплох. Они начали обстреливать нас ракетами, минами и всем, что имелось в их арсенале. Налетая друг на друга в темноте, мы бросились искать кто оружие, чтобы убивать самим, а кто надежное убежище. Наконец мы разобрались по своим бронетранспортерам и выехали с территории базового лагеря. В этот момент мне вдруг пришло в голову, что это будет для меня последняя операция. Я вспомнил Харриса, Гёрни и других, кто не дотянул до конца считанные дни, и стал молиться, чтобы меня не постигла их участь. Мы уже прибыли в зону боевых действий, а я все молился. Молился и, стараясь изо всех сил сохранить присутствие духа, перебирал в памяти все бои и походы, через которые прошел.

Мы уже вызвали вертолеты, когда пришло сообщение из зоны высадки десанта, что противник атакует находившуюся там часть. Томас приказал нам спешиться, и мы начали продвигаться к ним на помощь. Пули свистели над нами в разных направлениях, и нельзя было понять, откуда стреляют. Мы пробирались ползком и одновременно стреляли, стараясь не попасть под пули своих. Я был глубоко благодарен тем, кто научил нас ползать во время учебы в Форт-Райли. Положение той части, которая находилась в районе высадки десанта, стало настолько тяжелым, что Томас решил пройти кратчайшим путем, прямо через болото. Жидкая грязь доходила до пояса, но мы продолжали пробираться и стрелять на ходу.

Неожиданно я почувствовал, что начинаю тонуть в трясине. Я несколько раз пытался выбраться, но меня затягивало все глубже. Я уже остался позади всех, ребята подошли к лесу и обстреливали его. Звать кого-нибудь на помощь было бесполезно. В этом грохоте меня все равно никто не услышал бы. Противник продолжал вести шквальный огонь. Я почувствовал ужасную усталость, такую сильную, что даже страх пропал. Я подумал, что это конец. Пришел и мой час. Но тут, шлепая по грязи, кто-то приблизился ко мне. Это был сержант Паулсон. Этот выродок на сей раз показался мне ангелом. Подтрунивая надо мной, он протянул винтовку и помог мне выбраться из трясины, после чего мы оба вновь потащились вперед.

К рассвету мы окружили вьетконговцев, но они не сдавались. В этом районе их было около двух тысяч, они продолжали сражаться весь день. Вечером противник предпринял попытку вырваться из окружения, бросив в контратаку роту. Над территорией, где располагалась рота противника, был сбит санитарный вертолет, предназначенный для эвакуации раненых.

Погибло десять ребят, которые пытались спасти машину. Вьетконговцы знали, что у них был шанс прорваться из окружения, но наша артиллерия не позволила им это сделать. Всю ночь мы слышали, как артиллерийские части обстреливали дороги, по которым отступали вьетконговцы.

Противник прорвался в одном месте, но уйти ему не удалось. Мы преследовали его по пятам. Но у "чарли" было то преимущество, что они хорошо знают свою страну. Им известно множество мест, в которых можно укрыться.

3 августа 1967 года

Я устал, смертельно устал. Капитан Томас уже готов кончать эту канитель, но у высокого начальства другие планы на этот счет. Нас направляют еще в один район, в котором, возможно, есть противник. Они думают, что там где-то спрятались "чарли". Хотел бы я, чтобы эти "чарли" оставили нас в покое и убирались домой. Тогда меня отпустили бы в краткосрочный отпуск. Должен же я когда-то наконец воспользоваться им. Сейчас мы просто сидим на своих оборонительных позициях.

4 августа 1967 года

Вчера участвовали в воздушном рейде и обнаружили противника. Вьетконговцы занимали оборонительные позиции в лесной полосе. Приземлившись, мы соединились с южновьетнамской ротой и сначала обстреляли лес, а потом провели поиск противника в лесной полосе на глубину четыреста ярдов. Такого труднопроходимого леса я еще никогда не видел. В лесу находилось около пятисот вьетконговцев, поэтому мы вызвали авиацию и артиллерию, чтобы они провели для нас огневую подготовку. Потом мы обрушили на "чарли" все, чем располагали. Южновьетнамская рота потеряла сорок пять человек, и нам стало труднее нажимать на "чарли". Чтобы испугать их и заставить выйти из леса, нам пришлось здорово пошуметь. Этот трюк удался - "чарли" стали отступать на север, как раз туда, где находились южновьетнамские морские пехотинцы. Пехотинцы превратили "чарли" в фарш. Было убито примерно четыре сотни человек. Если бы они двинулись на нас, мы не выдержали бы их напора. Может быть, мне все-таки удастся остаться живым, черт возьми. А сейчас, слава богу, мы возвращаемся в лагерь "Браво", на отдых.

11 августа 1967 года

Сегодня получил письмо от Диди. Она восхитительна, и я люблю ее. Постоянно пишет, присылает хорошие книжки, сладости и кое-какие продукты. Не могу дождаться, когда увижусь с ней. Прочитал присланные ею вырезки из газет, в которых рассказывается о волнениях там, в Штатах. У меня в

голове все перепуталось, пишут о жестокости полиции и других подобных фактах. Я начинаю все больше и больше задумываться: справедлива ли война, которую мы ведем?

15 августа 1967 года

С завтрашнего дня я в отпуске! И я заслужил его. Отпуск проведу в Маниле. Ох и повеселюсь же я там! Война идет к концу, по крайней мере для меня. Будет чертовски трудно возвращаться в этот ад. Это отлично - быть опять в Зулу, вокруг тебя всякие гидролокаторы и радиолокаторы, и ты знаешь, что "чарли" туда никак не проберутся.

16 августа 1967 года

Манила

Вечером разговаривал по телефону с отцом. Мы говорили около получаса. Все это выглядело как-то нереально. Трудно верить в то, что я снова увижу свою семью. Я просто счастливчик. А ведь многие так и не вернутся домой. Когда вспоминаешь об этом аде во Вьетнаме, о грязи, крови и смерти, все кажется невероятным. Ужасно сознавать также, что ты убивал кого-то, лишал кого-то жизни, пусть даже этот кто-то твой противник. Такой уж там, на войне, закон: или ты убьешь его, или он убьет тебя. Но тебе всегда хочется, чтобы убитым оказался он, а не ты.

Забавнее всего то, что я никогда по-настоящему не испытывал ненависти к "чарли", наверное, потому, что почти никогда не видел их живыми. Я ненавижу не "чарли", а то, что они убили Гринфилда, Гёрни, Харриса и других.

4 сентября 1967 года

Вернулся в Зулу для окончательной проверки и оформления документов. Медосмотр и всякая подобная муть. Какая волокита с этим делом! Все это я мог бы сделать до отпуска, потом и отпуск, а потом и домой. Вместо этого я теперь должен снова ехать в лагерь "Браво", чтобы взять свои вещи.

9 сентября 1967 года

Через день я уезжаю домой. Ура!

Только что вернулся из "Браво". Ребят в лагере не было, они вели патрулирование в лесной полосе, поэтому мне и не удалось их увидеть. Пока я был в краткосрочном отпуске, убито несколько человек. Кто именно - точно не знаю. Зато видел Пассмора, которого переводят в штабную роту. Я никогда не любил его, но, когда он провожал меня до вертолета, на котором я должен улететь, я не мог не почувствовать жалости к нему. Долгое время мы служили вместе. На прощание я пожелал ему всего наилучшего, пожелал вполне искренне. Он в свою очередь сказал, что был бы рад встретить меня на той стороне океана, но чувствовалось, что надежды на возвращение домой у него нет.

Этот перелет на вертолете в Зулу, наверное, мой последний во Вьетнаме. Глядя вниз на рисовые поля, которые так хорошо знаю теперь, я задавал себе вопрос, имел ли я право находиться там. Когда я попал в армию, таких вопросов у меня не возникало, но сейчас, когда я уезжаю отсюда, вопросы появились. Там, в Штатах, во время начальной военной подготовки нам постоянно твердили, что этим людям нужна наша помощь, что они бедны - и не знают, как справиться со своими проблемами, что мы обещали помочь им и поэтому не можем оставить их одних. Все это так, но временами мне казалось, что мы приносим им больше вреда, чем пользы.

У меня никогда не было чувства, что я сражаюсь за какое-то справедливое дело. Я воевал, чтобы остаться в живых самому, и я убивал других, чтобы они не убили меня. Теперь, когда все это позади, меня охватывает какое-то странное чувство, когда я думаю, что со мной могло произойти. В самый разгар боя ты становишься настолько сильным, что можешь совершить невероятное. Но только когда все кончится, ты начинаешь осознавать это. Мне сейчас трудно поверить, что я по-прежнему полноценный человек с руками и ногами. Мне просто повезло и сопутствовало счастье.

11 сентября 1967 года

Мы летим в Штаты на хорошем старом американском самолете. Ребята сидят и улыбаются друг другу - до чертиков рады, что остались живы и летят домой. Я тоже думаю только о том, что жив и невредим. Хотел посмотреть на районы, в которых мы вели бои, но стоял легкий туман и мы слишком быстро набирали высоту. На самом деле Вьетнам очень маленькая страна. Многим из тех ребят, что находятся там внизу, не суждено быть пассажирами в таком воздушном путешествии, какое выпало мне. Глядя на нас, офицеры тоже улыбаются. Это летчики. Им, вероятно, пришлось повоевать не меньше нашего. Но зато они не ковырялись в грязи под боком у противника.

12 сентября 1967 года 11 часов 30 минут

Вылетаем из Гонолулу. К обеду должны быть в Сан-Франциско.

16 часов 20 минут

Показалось калифорнийское побережье. Еще сорок восемь часов, и я перестану быть солдатом.

13 сентября 1967 года

Еду домой. Уезжал 13-го и возвращаюсь 13-го. Должно быть, это мое счастливое число. Белый парень, у которого я покупал билеты в аэропорту, несколько раз с презрением посмотрел на меня. Он швырнул мне билет, как какому-то заразному больному.

Служба в армии сделала меня особенно чувствительным к подобным вещам. Этот кассир напомнил мне, как со мной обращался кое-кто из белых офицеров. Да, я негр, и я вернулся домой - туда, где цвет кожи имеет значение. Я хорошо себя чувствовал, пока летел на самолете из Намсвилля. Думал, что все самое страшное и все проблемы остались позади. Черта с два! Впереди меня ждут новые.

Примечания

{1} "Красная звезда", 6 февраля 1972 г.

{2} См. "За рубежом", 1972, № 8, стр. 13.

{3} "Нью рипаблик", октябрь, 1969.

{4} "Известия", 13 марта 1968 г.

{5} "Либерейшн", февраль, 1966.

{6} "Либерейшн", февраль, 1966.

{7} "Ньюсуик", 24 мая 1971 г.

{8} "Крисчен сайенс монитор", 25 мая 1971 г.

{9} "Нью-Йорк таймс", 10 марта 1971 г.

{10} Вьетконговцами в американской печати называют патриотов Вьетнама. - Прим. ред.

{11} "Чарли" - солдаты противника. - Прим. ред.

{12} FBI (Federal Bureau of Investigation) - Федеральное бюро расследований. - Прим. ред.

{13} Кракер - прозвище белых бедняков в южных штатах США. - Прим. ред.